

Ю.А. ВИНОГРАДОВ
YU.A. VINOGRADOV

К.К. ГЁРЦ. ПИСЬМА С БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО¹

K.K. GERTS. LETTERS FROM THE CIMMERIAN BOSPORUS

Имя Карла Карловича Гёрца хорошо известно в истории отечественной археологии – биография ученого и педагога изложена в весьма содержательной монографии А.И. Малеина, увидевшей свет более 110 лет назад [Малеин, 1912]. О нем с немалым уважением вспоминают и в наши дни [Тункина, 2002, с. 558; Басаргина, Застрожнава, 2010]. Основная заслуга К.К. Гёрца перед археологической наукой заключается в том, что в 1859 г. он провел масштабные раскопки Фанагории [см. Малеин, 1912, с. 79–86; Кобылина, 1956, с. 6–7; Виноградов, 2012, с. 41–45; 2019. С. 362–369; Застрожнава, 2019, с. 63–73]. Отчёт об этих раскопках (весьма далекий от современных требований к сочинениям такого рода) был опубликован только в 1870 г. [Гёрц, 1870, с. 76–87, 88–98], но не о нём сейчас речь. Исследователи, занимающиеся историей боспорской археологии, почти не вспоминают, что в 1859 г. К.К. Гёрц регулярно писал письма председателю Императорской археологической комиссии С.Г. Строганову², в которых рассказывал о поездке в Крым и, естественно, о пребывании в Керчи и на Тамани [Малеин, 1912, с. 80–82]. Эти послания, являющиеся, на мой взгляд, замечательными документами своего времени, заслуживают полной публикации. В Рукописном архиве ИИМК РАН их насчитывается 13, хотя нет сомнения, что писем было больше, по крайней мере, на одно из них, отсутствующее в архиве, имеется ссылка³.

Я решил назвать свою статью «К.К. Гёрц. Письма с Боспора Киммерийского», хотя не все они были написаны именно на Боспоре. Два последних (№ 12 и 13) были составлены в Москве, они касаются обстоятельств, связанных с завершением археологической экспедиции. В первом (одном из самых больших по объёму) о Боспоре вообще не говорится, в нем описаны впечатления от путешествия из

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: рода, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Помимо этого, К.К. Гёрц посылал письма своей сестре Эрнестине Карловне. Судя по опубликованным фрагментам, по содержанию они мало отличаются от посланий С.Г. Строганову [Застрожнава (Панкратова), 2017, с. 144].

³ В седьмом письме К.К. Гёрц напоминал С.Г. Строганову о своём послании от 21 июля 1859 г., но оно, касающееся денежных вопросов, в архивном деле отсутствует.

Москвы в Керчь. Тем не менее, все эти письма по-своему интересны и важны, по-этому исключение их из публикации, на мой взгляд, недопустимо.

Первое письмо датировано 9 июля 1859 г., т.е. оно было составлено после недельного пребывания автора в Керчи, куда он прибыл, как явствует из этого и следующего послания, 2 июля. В столь дальнее путешествие Карл Карлович отправился из Москвы 20 июня вместе с братом, художником Константином Карловичем. До Керчи они добрались за 12 дней. Путевые заметки археолога читаются с большим интересом. Некоторые их сюжеты, связанные с описанием повседневной жизни российской провинции того времени, очерчены автором очень живо и ярко. В этом отношении они мало уступают «Письмам из Италии и Сицилии», над которыми К.К.Гёрец работал во время своего заграничного путешествия 1851–1856 гг. [см. Гёрец, 1899]. У меня нет сомнения, что современный читатель найдет в этом письме кое-что интересное [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 15–18]:

«Ваше Сиятельство!

Пользуясь позволением, столь благосклонно Вами мне данным, приступаю к рассказу моего путешествия в Крым и на Таманский полуостров, с полной откровенностью и тою подробностью, которая, опасаясь, иногда утомит внимание Вашего Сиятельства.

20-го июня в 8 ½ часов вечера выехал я с братом из Москвы. После прохладной ночи, мы ехали до Тулы в палящей обстановке, но, начиная с этого города, погода странно изменялась: за малыми исключениями, чем более приближались мы к югу, тем становилась она холоднее. Нужно было переменить летние одежды на зимние и завернуться в тёплую шинель. Мало разнообразия представляют как природа, так и города, лежащие от Москвы до Харькова. Шоссе, приятное для езды, не даёт никакой пищи для наблюдений. Впрочем, оно не доведено (и теперь, вероятно, никогда не доведётся) до Харькова, но оканчивается у Белгорода, 70 вёрст не доезжая <до> первого города. Харьков, где останавливался на полдня, привлекателен своими довольно значительными зданиями, в числе которых занимает первое место здание Университета, и очень оживлён торговлею. Но с этого города и начинается в собственном смысле моё путешествие⁴: дорога, до тех пор гладкая и ровная, получает разнообразный характер, открываются до тех пор невиданные ландшафты, сменяются разные редкие национальности, и в столкновениях с людьми приобретаем опытность, до тех пор <нам> недостававшую. Именно, два опыта сделал я на этом пути: во-первых, жизнь в Южной России, начиная от Харькова до Керчи, гораздо дороже, чем в Москве. Эти дороговизны начались со времени последней войны, где по той дороге, по которой я проехал, временные огромные потребности создали необыкновенно высокие цены, которые с тех пор упорно держатся и вовсе не предвидится, когда они упадут. На Украине, в стране рогатого скота, теперь платят

⁴Здесь и далее все подчеркнутые слова выделены таким образом в источнике.

за стакан молока те же цены, которые платили в то время, когда по этой дороге тянулись стотысячные армии. И в этой <...> пропорции держатся цены всех жизненных потребностей на всём юге России, начиная, напр[имер], с мебели, по ценам почти недоступным небогатым людям, и кончая салом, нужным для смазки колёс тарантаса, которое в стране чумаков дороже, чем в Москве. Вообразить себе, что жизнь на Юге дешева и идилически удобна, есть чистая иллюзия, которая исчезает при первом знакомстве с этими превосходными по климату странами. Далее, на этой же дороге познакомился я с систематически организованным притеснением многих станционных смотрителей и евреев-содержателей станций, которые, опираясь на то, что в иных местах тяжёлая дорога действительно требует припряжки одной лошади сверх означенного в подорожной числа, принуждают путешественников припрягать её и по хорошей в <...> летнюю пору дороге. Споры с этим классом людей только портят путевые впечатления, и потому подчиняемся их требованиям, чтобы спокойно наслаждаться новыми картинами.

В самом деле, нельзя не любоваться Харьковскою губернию: какая прекрасная растительность, сколько живописных местностей, какая плодоносная почва, сколько, по-видимому, везде довольства. Совершенно другой характер имеет Екатеринославская губерния. Днепр поразил меня шириною, и мне, видевшему Дунай, Рейн и Темзу, осталось только пожалеть, что его широкие воды не оживлены до сих пор пароходами и другими большими судами. То же думал я, глядя и на Оку. Много сил в России, но они спят ещё, скованные тысячеletним сном. Впрочем, как мало развита у нас даже и теперь в провинции потребность в самых первоначальных условиях умственной жизни, доказывается следующим любопытным наблюдением: на пространстве 1500 вёрст я только в Екатеринославле нашёл в одной гостинице газеты; даже в Харькове, не говоря о небольших городах, их не было в гостиницах. Значит, не только местные жители не заботятся о великих современных вопросах и интересах, но даже проезжающие из Москвы забывают об них в путешествии. Если бы <они> газеты непрерывно спрашивали, то содержатели гостиниц под конец принуждены были бы ими обзавестись. В Екатеринославле в день Св. Петра и Павла была ярмарка, и город, живописно лежащий, но с грязными улицами, <был> весьма оживлён. Пробыв там несколько часов, я поехал дальше и тут впервые ознакомился со степями Южной России. Эти степи в Екатеринославской губернии имеют оригинальный и весьма приятный характер: горизонт их не очень обширен, они обработаны, и только людское жильё встречается редко. Тут же встретились первые Немецкие колонии, столь чистые и опрятные⁵. В одной из них – Неиштад – накануне моего приезда шел столь сильный град, что уничтожил всю жатву и выбил окна всех домов: дома стояли с закрытыми ставнями, как будто вся деревня вымерла. Тут же увидел я впервые и кочевья бродячих цыганов, и длинный

⁵ Непонятно, почему К.К. Гёрц в написании слова «немецкие» употребил латинскую букву N. Подобная вольность встречается у него и чуть ниже.

ряд курганов, или тянущихся вдоль почтовой дороги, или рассеянных в значительном от неё отдалении. Странное впечатление производит эта масса их, которая, впрочем, редет по мере приближения к Азовскому морю. Снова встречаются они в значительном количестве опять на сев[ерном] берегу Крыма. Весьма важно было бы составить топографическую карту этих любопытнейших памятников древности.

Совершенно иной характер имеют степи Таврической губернии: горизонт их гораздо обширнее, но в летнюю пору года трава их совершенно погорела, вид их безотраден. Здесь все говорит о Востоке: и татары, их населяющие, и стада на воле пасущихся верблюдов. Но и в этой степи есть свой счастливый уголок: это колонии меннонитов⁶, расположенные по реке Молочной, числом 52. Нельзя налюбоваться этим оазисом: в садах стоят изящно построенные домики; все хозяйство содержится с необыкновенною опрятностью. Все дышит единогласием, довольством и тишиною. Последняя станция на твёрдой земле – селение Геническ с укреплениями, на которых лежит печать последней войны⁷. Мы приехали сюда поздно вечером: полный месяц освещал длинную полосу земли, разделяющую два моря: Гнилое, от которого ветер нёс миазмический запах, и Азовское море. Арабатская стрелка (так называется эта узкая полоска земли) есть дикая и безотрадная пустыня.

С обеих сторон земля или, лучше сказать, морской песок и раковины, её образовавшие, воздвигли два вала, которые препятствуют видеть оба моря: только по временам одно из них появлялось, чаще Гнилое. Дорога по Арабатской стрелке в начале песчаная, вообще очень хорошая, но ландшафт этой местности в высшей степени пустынный. Высохшие или наполненные водой солончаки тянутся преимущественно по сторонам Гнилого моря: тут приволье морским птицам, и журавли стаями расхаживают по берегам.

Там, где Арабатская стрелка соединяется с Крымским полуостровом, стоит селение Арабат. Отсюда и до самой Керчи дорога малозамечательна: она поражает своим безлесием, как и вся видимая мною часть Крымского полуострова. Только курганы, часто встречающиеся, говорят о древнем населении этой страны. В Керчь приехал я 2-го июля, в третьем часу ночи; но рассказ об этом городе отлагаю до следующего письма.

К. Гёрц».

Совсем не удивительно, что во время путешествия К.К. Гёрц обратил внимание на многочисленные степные курганы. Любопытно, что он высказал идею «составить топографическую карту этих любопытнейших памятников древности», реализовать которую на практике в то время было вряд ли возможно.

⁶ Меннониты – одна из групп христианских протестантских общин. В России появились во второй половине XVIII в. по приглашению Екатерины II. Для заселения им были выделены пустующие земли Украины.

⁷ Имеется в виду Крымская война, во время которой, в мае 1855 г., вражеская эскадра совершила нападение на Геническ.

Второе письмо было послано на следующий день после первого, 10 июля 1859 г. В нём К.К. Гёрц изложил свои первые впечатления от знакомства с Керчью [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 19–22]:

«Ваше сиятельство!

2-го июля, ночью в третьем часу, прибыл я в Керчь, в прекрасную лунную ночь. По улицам не было ни души. Долго стучались мы у дверей лучшей гостиницы, находящейся в доме Гущина, но, увы! Все номера ея были так заняты, что четверо холостых занимали одну комнату. Нужно было искать другой квартиры и, наконец, в гостинице, носящей громкое имя “Европейской”, мы нашли себе помещение в каком-то коридоре, разделённом на клетки, помещение дорогое и столь неудобное, что за разговором соседей и шумом трактирной жизни нельзя было ни читать, ни писать и даже спать. Поутру 3-го июля я тотчас отправился осматривать город и делать необходимые визиты. Возвышенности, окружающие Керчь, и ея ровные места своим безлесием производят печальное впечатление: все деревья и сады, некогда окружавшие город, истреблены в последнюю войну. Вообще весь город сильно от нея пострадал: сердцу больно смотреть на эти разорённые улицы и дома. Бог знает, когда город снова отстроится и приобретёт свой прежний вид. Обилие камня создало здесь особый архитектурный стиль, нелишённый своего рода изящества. Кирпичные постройки почти не встречаются. Тёсаный камень придаёт домам простоту и солидность и позволяет изобретать архитектурные члены, вовсе неупотребляемые в наших кирпичных постройках. Дома в Керчи, большею частью, одноэтажные, с весьма разнообразными фронтонами, которые, наверно, суть изобретение не архитекторов, но здешних каменотёсов. В зданиях Керчи не высказывается желание выдать себя за столицу: в них проявление стремления к скромному удобству и сознание своей достаточности. Керчь характером своих зданий живо напоминает Юг Европы. И все эти прекрасные здания сильно потерпели в последнюю войну: третья часть города разрушена. В особенности грустно смотреть на дома длинной, а в прежние времена изящной набережной: во внутренних покоях растёт трава; нет ни одного окна, крыши или дверей, и доказательством, что Керчь ещё не скоро возникнет из пепла, служит то обстоятельство, что только весьма немногие здания начинают исправлять, а в большей части все входы и отверзтия (так в источнике – Ю.В.) заложены огромными камнями. Здание Музея на горе Митридата сильно пострадало, также и лестница, к нему ведущая: растений и ваз, ее некогда украшавших, нет и следа. По окончании войны прежние жители Керчи возвратились и даже, говорят, ещё в большем числе, в свой город, но вследствие разрушения значительной его части, оказался сильный недостаток в помещении; квартиры и за ними вся жизнь в городе сильно вздорожала, так что в Керчи необходимые предметы стоят гораздо дороже, чем в Москве. Напр[имер], <за> рукомытник, стоящий в Москве от 30–40 к[опеек] с[еребром], здесь заплачен мною 1

р[убль] 20 к[опеек] с[еребром]. Самое народонаселение Керчи состоит преимущественно из греков, татар и евреев, и уличная жизнь представляет живописную-жанристу множество интересных сюжетов.

Я представился г. Керчь-Еникальскому градоначальнику⁸ и г. директору Керченского Музея и его помощнику⁹. Последние оказали мне и брату весьма радужный приём, и я обязан им как многими указаниями на здешние древности, так и местными полезными сведениями о моём будущем месте пребывания на Таманском полуострове. Керченский музей ныне помещается в одноэтажном, не обширном частном доме, но изящной наружности¹⁰. Градоначальник, заботящийся об украшении Керчи, очень желает скорого построения нового здания на площади. В нынешнем музее нет капитальных <экспонатов>, найденных на здешней почве, да и библиотека его далеко не богата специальными сочинениями, необходимыми для изучения истории и древностей Боспора. Необходимо было бы увеличить её новыми приобретениями. Так, напр[имер], здесь нет “Записок Петербургского Археологического Общества”, сочинений Кёлера, изданных Стефани¹¹, последнего большого труда Кёне¹² и множества других пособий, необходимых как для здешних раскопок, так и для будущих учёных, которые будут производить раскопки на Крымском и Таманском полуостровах. Очень важно иметь всю специальную литературу на месте, под руками. Г. директор с большою готовностью сообщил мне находящиеся здесь книги, необходимые для той местности, куда я отправляюсь. В главной зале Музея хранятся дублиеты золотых вещей, собрание монет, терракоты и т.п.; в побочной комнате <хранятся> произведения из стекла, разные фрагменты и несколько весьма любопытных черепов, в том числе макроцефала. Не знаю, известен ли последний академику Беру, которого статья о собрании черепов в С.Петербургской Академии Наук была недавно напечатана в “Русском Вестнике”¹³.

Немногими днями, мною здесь проведенными, я воспользовался как для осмотра Митридатовой горы, столь изрытой во всех направлениях, так и некоторых замечательных гробниц. Изучить со вниманием последние потребовало бы много време-

⁸ Керчь-еникальским градоначальником в 1857–1875 гг. был А.П. Спицын [Санжаровец, 2017, с. 100–102].

⁹ Директором Керченского музея в это время был А.Е. Люценко, а его заместителем – К.Р. Бегичев.

¹⁰ Поскольку здание Музея, расположенное на горе Митридат, сильно пострадало от действий оккупантов, то после завершения Крымской войны для его нужд был арендован частный дом [Марти, 1926, с. 23; Тункина, 2002, с. 307; Федосеев, 2017, с. 65].

¹¹ Имеется в виду посмертное издание трудов академика Е.Е. Кёлера, подготовленное к печати Л.Э. Стефани. Было издано шесть томов его избранных исследований [Тункина, 2002, с. 237].

¹² Имеется в виду описание музея В.В. Кочубея [Кёне, 1857].

¹³ К.К. Гёрц упоминает о статье академика К.Э. Бэра, в которой тот изложил свои взгляды на антропологию (и краниологию, в частности), но о макроцефалах в ней специально не говорилось [Бэр, 1859]. Доклад К.Э. Бэра на эту тему был прочитан в Академии Наук в декабре 1859 г. [см. Райков, 1961. С. 296], а большая публикация, в которой рассказано и о керченских находках такого рода, появилась в 1860 г. [Ваер, 1860].

ни, а моё было занято всякого рода приготовлениями к отъезду на Таманский полуостров, потому я успел бросить только беглый взгляд на последние, напр[имер], на недавно открытую гробницу с египетским сводом на Солонцах (близ Глиница)¹⁴, на Золотой и Царский курганы и т.д. Тем не менее, и этот поверхностный обзор был для меня в высшей степени любопытен, нов и поучителен. Эти памятники известны Вашему Сиятельству и по рисункам, и по описаниям. Описывали их, и весьма подробно, очень часто разные учёные, и мне нечего повторять здесь или списывать здесь эти Вам известные описания. Тем не менее, никто ещё, если не ошибаюсь, не посмотрел на них в связи с теми великими памятниками Греции, не посмотрел на них в связи с историей античного искусства. А между тем этот вопрос, в высшей степени любопытный, единственно указывающий на место, которое эти памятники занимают в истории искусства. До сих пор рассматривали и описывали эти памятники отдельно, каждый порознь, часто весьма подробно и отчётливо, но подобный метод исследования не даёт никакого ответа на выше изложенный вопрос. Но одно беглое рассмотрение этих древнейших греческих памятников на здешней почве породило во мне столько сомнений, недоумений и новых вопросов, что эти древнейшие памятники Пантикапеи решительно ниспровергают многие теории, созданные о происхождении греческого искусства новейшими <исследователями> и стариками. Влияние Востока, и именно Египта, на них неоспоримо-очевидно. Это доказывается устройством сводов, галерей или коридоров, ведущих к погребальной камере, и пирамидальною формою Золотого кургана, тем не менее обнесённого циклопическими стенами, что противоречит египетским постройкам. Золотой курган никогда не был простою земляною насыпью, но совершенною постройкою из камня, подобно пирамидам близ деревни Джизе¹⁵, только опять с тою разницею, что пространство между погребальною камерою и наружною стеною не было, как в Египте, сложено из тёсаного камня, а наполнено отёсками. Далее, под внешним видом египетской пирамиды в Золотом кургане скрывалась погребальная камера, построенная на совершенно ином принципе, который встречается в Греции в так называемом казнохранилище Атрея и других подобного рода зданиях, которые все очевидно были погребальные памятники. Как объяснить слитие (слияние – Ю.В.) в одно этих различных строительных стилей? – Еще другой, весьма интересный вопрос: встречаются ли на здешней почве первые опыты этого искусства? Потому как дошедшие до нас выше названные памятники никак не могут быть приняты за первые, слабые попытки возводить подобного рода здания. Напротив, здешние древнейшие гробницы, все описанные и все известные, таковы напр[имер], Куль Оба, Золотой и Царский курганы, гробница на Солонцах и проч. представляют во-

¹⁴ Курган на Солонцах (или на Солончаке) сейчас известен под названием Мелек-Чесменского. Гробница в нём была открыта в 1858 г. [Виноградов, 2017а. С. 38, табл. 1; 214].

¹⁵ Имеются в виду великие пирамиды Гизы.

все не первые, слабые опыты сооружения подобного рода памятников, но суть высшая точка развития, до которой достигло искусство на этой первой ступени. Где же искать происхождения этого рода памятников? В одной ли Греции? Нет ли сродственных памятников и на Востоке? Вот трудный вопрос, на который может дать ответ только подробное изучение памятников Малой Азии.

Примите, Ваше Сиятельство, уверение в глубочайшем уважении и почтении к Вам. Ваш всеподданнейший слуга К. Гёrcь».

В этом письме К.К. Гёrcь не ограничился изложением впечатлений от осмотра Керчи, сильно пострадавшей от действий оккупантов, но и поделился своими впечатлениями от знакомства с монументальными гробницами знаменитых керченских курганов. Не удивительно, что исследователь обратился к поиску истоков этих архитектурных форм. Он указал на известное сходство боспорских склепов с гробницами, известными на территории Греции, наиболее знаменитой среди которых является так называемая Сокровищница Атрея в Микенах. На это сходство обращали внимание исследователи более позднего времени, и в середине XX в., как известно, была сделана попытка проследить на Боспоре развитие микенских традиций [Кауфман, 1947], но её нельзя признать удачной.

К.К. Гёrcь взглянул на эту проблему несколько иначе, высказав догадку, что боспорские курганы есть продукт смешения различных культурных традиций; во втором письме они обозначены как греческая и египетская. Надо признать, что его отсылки к памятникам древнего Египта сейчас выглядят несколько надуманными, но их можно объяснить тем, что в 1858 г. в «Отечественных записках» вышла большая статья автора, посвященная погребальным обрядам древних египтян [Гёrcь, 1858; 1900, с. 28–85], так что он вполне мог ещё раз продемонстрировать широту своего научного кругозора. В дальнейшем Карл Карлович продолжал размышлять об истоках боспорских монументальных гробниц, и его суждения по этому вопросу стали более определёнными (см. следующее письмо).

Третье письмо было написано через два дня после второго – 12 июля [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 23–24]:

«Ваше Сиятельство!

Известно, что Пантикапея, как и бóльшая часть греческих поселений на Крымском и на Таманском полуостровах, были колониями города Милета, следовательно, колониями ионийскими. Как же объяснить присутствие архитектурных форм египетского искусства в ионийских колониях? Если бы эти греческие поселения в Крыму были дорийского происхождения, то эти архитектурные формы, как и всю цивилизацию дорян, можно было бы, вместе со многими современными историками, вывести из Египта. Но родиною цивилизации ионийской была Малая Азия и тут-то следует, если я, пишущий без всяких учёных пособий, не ошибаюсь, искать начало искусства, которого последними результатами являются царские гробницы Пантикапея. Ближайшим соседом Милета была Лидия, страна с глубочайшей древности весьма образованная и до последнего дня наполненная бесчисленным мно-

жеством надгробных памятников в форме курганов. Неудивительно после того, если курганами же наполнены ионийские поселения в европейском и азиатском Босфоре. Но курганы Лидии пока мало исследованы, хотя о них и писали Тексье¹⁶ и Гамильтон¹⁷, <так> что решение вопроса о развитии пантикапейских царских гробниц может быть произведено только после подробного знакомства с курганами Лидии, которых, к сожалению, кроме весьма незначительного числа, мы не имеем ни планов, ни изображений. Известно только, что в Лидии встречаются все роды курганов, начиная с земляных насыпей до совершенно циклопических построек, каковы, напр[имер], так наз[ываемая] гробница Тантала и преимущественно гробница царя Алиатта, которая, говорят, есть здание с галереями и погребальными камерами и проч. Все озеро Гигеса окружено множеством курганов, из которых многие принадлежат царям лидийским, тут был их некрополис. Устройство этих памятников, преимущественно гробницу Алиатта, необходимо бы сравнить с памятниками Пантикапеи. Замечательно, что даже время построения царских гробниц пантикапейских совпадает с царскими курганами Лидии. Первые не могут восходить выше времени основания Пантикапеи; вторые относятся к 7-му и 6-му ст. до Р.Х. Это обстоятельство и объясняет, почему мы вовсе не находим в Пантикапее первых опытов развития этого строительного искусства, а только высшие его образцы: жители Милета нашли в Лидии уже совершенно развитую систему, которую они целиком перенесли на свою новую родину. Богатство строительного материала позволило им создать прекраснейшие образцы в этом <...> стиле. Из собственной Греции эта система построения сводов посредством выступки <...> не может быть вынесена, потому что в эпоху основания Пантикапеи она там была уже совершенно оставлена, забыта, давно уже вышла из употребления.

С грустью видел я, как эти почтенные памятники древности глубокой, открытые в наши дни, вследствие отсутствия всяких мер для их сохранения в несколько лет потерпели более, чем в течение тысячелетий, когда были покрыты землёю. Недостаточно только открывать памятники, необходимо и сберегать их. Задачу Императорской Археологической Комиссии (осмелюсь откровенно высказать эту мысль) должно быть непременно принятие энергичных мер для сохранения любопытнейших остатков древнейших образцов греческой архитектуры в нашем отечестве¹⁸. Иначе эти здания, то служащие стойлами, то разрушаемые на камень,

¹⁶ Тексье Х. – автор многотомного труда с описаниями восточной части Малой Азии и прилегающих к ней областей Кавказа и Персии [Жебелёв, 1923, с. 44].

¹⁷ Вероятно, Гамильтон В. – английский посланник в Неаполе, собравший богатую коллекцию произведений древнего искусства [Жебелёв, 1923, с. 20]; муж знаменитой леди Гамильтон.

¹⁸ Надо признать, что задача охраны памятников древних культур для Императорской Археологической Комиссии первоначально вообще не была обозначена [Альтшуллер, Пескарёва, Турусова и др. (составители), 1978, с. 10, 63–68], но уже в 1859 г. о необходимости спасения боспорских монументальных склепов в Петербург писал А.Е. Люценко [см. Виноградов, 2012, с. 39; 2019, с. 359]. С каждым годом необходимость действенных мер по охране древних памятников становилась все более и более очевидной, и ИАК принимал некоторые меры в этом направлении [Виноградов, 2012, с. 155–165; 2019, с. 406].

исчезнут совершенно с лица земли в несколько десятков лет. Куль Оба уже больше не существует; в Золотом кургане уже проваливается вся галерея, в Царском половина ея и, если не будут приняты какие бы то ни были меры, то и новооткрытую, в высшей степени важную гробницу на Солонцах постигнет та же участь¹⁹.

Высказанные мною в этом письме предположения суть только налету сделанные замечания, требующие более основательного рассмотрения, и потому я прошу Ваше Сиятельство принять их с большим снисхождением. С глубочайшим уважением имею честь быть

Вашего Сиятельства всеподданнейший слуга К. Гёрц.

В третьем письме вновь следует обратить внимание на рассуждения К.К. Гёрца относительно происхождения монументальных гробниц Боспора. Он справедливо считал, что искать на берегах Керченского пролива истоки этой традиции недопустимо, она явно пришла сюда во вполне сформировавшемся виде. По мысли исследователя, прототипы таких памятников находятся на территории древней Лидии. Исходя из общих представлений об античной истории, никак нельзя исключать возможности того, что с традицией возведения лидийских монументальных гробниц ознакомились греки-ионийцы Малой Азии, которые принесли ее в Северное Причерноморье. Делая такое предположение, К.К. Гёрц отметил плохую изученность погребальных сооружений Лидии, назвав при этом гробницы Тантала и царя Алиата. С большим сожалением надо признать, что и в наши дни знания об этих важнейших археологических памятниках остаются далеко не достаточными [Брайцева, 1970, с. 250–253]. К тому же среди них вряд ли представлены склепы, свод которых имитирует двускатную кровлю, что было характерно для боспорских гробниц с уступчатым перекрытием [см. Ratté, 1994]. Тем не менее, в Малой Азии действительно можно найти погребальные памятники с уступчатым перекрытием, которые относятся к концу VI в. до н.э., к примеру, гробница в Троеде [Seveinç, Treister, 2003]. Не исключено, что этот тип погребальных сооружений распространился на Боспор из Малой Азии, вероятнее всего, через Фракию [Виноградов, 2017в, с. 129–131], и в этом К.К. Гёрц был по-своему прав.

Четвертое письмо датировано 13 июля. В нём К.К. Гёрц рассказал С.Г.Строганову о своем участии в раскопках, которые проводил директор Керченского музея древностей А.Е. Люценко. Стоит отметить, что для будущего руководителя археологического изучения Фанагории это был первый опыт непосредственного знакомства с предприятиями такого рода [РО НА ИИМК РАН. Ф.1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 25–26]:

«Ваше Сиятельство!

7-го июля я имел счастье присутствовать при открытии неразорённой гробницы, находившейся в одном кургане на Глинище. Это была одна из лучших находок

¹⁹ Имеется в виду курган, который сейчас называется Мелек-Чесменский. См. прим. 14.

нынешнего года. В три часа пополудни г-н директор Музея прислал ко мне через г-на Бегичева приглашение тотчас же туда приехать. Шёл сильный дождь и дул неприятный ветер. Тем не менее, я с братом тотчас же отправился на место. Приехав на курган, находящийся в довольно значительном расстоянии от города, мы нашли г-на директора сидящим на мокрой земле: плита, покрывавшая тщательно сложенную из камней гробницу, была уже удалена, и мы увидели слой земли, в котором тотчас же при нас началось отыскивание вещей и опись их. Костей не найдено никаких: все давно истлели, даже череп. Три перстня: один бронзовый, другой массивный золотой, без всяких украшений, и третий с камнем, на котором вырезан лев, разбитые вазы и патеры – вот вещи, найденные в гробнице, которая вместе с остатками деревянного саркофага по стилю принадлежит эпохе полного развития греческого искусства²⁰. Для меня самый процесс вскрытия ее был необыкновенно привлекателен и поучителен, и я очень рад счастливому случаю, позволившему мне при нём присутствовать. Я научился, каким образом поступать самому в подобных случаях: такая практика полезнее всех описаний.

Рассмотрение вещей и орнаментов саркофага этой гробницы подали мне мысль, что в Пантикапее можно хронологически проследить все эпохи греческого искусства, отразившиеся на погребальных обрядах и вещах, окружавших покойника. Материалы для подобного историко-художественного труда только отчасти находятся теперь здесь на месте; бо́льшая же часть их должна быть в архивах Эрмитажа, Канцелярии Министерства Императорского Двора и Археологической Комиссии, где, вероятно, сохранились и рисунки всех когда-либо открытых гробниц (?), если только первые открыватели делали рисунки открываемых ими гробниц. Так, напр[имер], в одном отчёте Бларамберга, напечатанном в Записках Одесского Общества Истории и Древностей я нашёл, что он в одном году открыл более 30 деревянных саркофагов²¹. Если рисунки с них или с фрагментов их сохранились, то это драгоценнейший материал для <изучения> орнаментики греческого искусства, не говоря уж об истории погребальных обрядов у этого народа. На почве Пантикапеи, по собранным мною сведениям, существовали гробницы всех эпох: циклопической, полного развития греческого искусства, римской эпохи, катакомбы в скалах и даже гробницы христианских времён²². Все эти памятники вместе с найденными в них вещами могли бы послужить материалом для весьма любопытной монографии.

²⁰ Более подробное описание раскопок этого кургана содержится в «Отчете Императорской археологической комиссии» [ОАК за 1859 г., с. VIII–IX]. В частности, там говорится, что полуистлевший деревянный саркофаг с двускатной крышкой был украшен резьбой, а также шестью свинцовыми акротериями [Сокольский, 1969, с. 29, № 20].

²¹ Возможно, имеется в виду отчет о раскопках 1843 г., но в нем говорится, что «одры из кипарисового дерева» были обнаружены в 20 гробницах, перекрытых каменными плитами, при этом лишь некоторые из «одров» «имели вид саркофагов» [Бларамберг, 1850, с. 315–316].

²² Это перечисление позволяет считать, что К.К. Гёрц изучил публикации, посвященные керченским гробницам [ДБК, т. I, с. LXXXVI; Линевич, 1854; см. также Виноградов, 2010].

Предмет этот мог быть обработан с совершенно новой точки зрения. К крайнему сожалению, кажется, что множество важнейших и любопытнейших фактов погибли для науки вследствие прежней системы раскопок, имевшей единственной целью приобретение разных вещей, без всяких научных интересов и неумения описывать разные манеры погребения.

Я осмотрел и здешнюю греческую церковь, известную из описания Дюбуа²³: это любопытный памятник византийской архитектуры, страшно обезображенный новейшими пристройками. Но Сумароков в своих “Досугах крымского судьи” сообщает любопытные сведения о прежнем ее наружном виде²⁴, который, по-видимому, не сохранился даже и в рисунках. Фасады ее были, по-видимому, покрыты скульптурами, которые, вероятно, были бы драгоценнейшим материалом для византийской иконографии. Старинная византийская церковь в Феодосии тоже, говорят, совершенно обезображена новейшими реставраторами.

С глубочайшим почтением имею честь быть Вашего Сиятельства всеподданнейшим слугою К. Гёрц».

Обращает на себя внимание, что К.К. Гёрц в этом письме выступил против устаревшей системы раскопок, «имевшей единственной целью приобретение разных вещей». С сожалением приходится признать, что никакой новой, более прогрессивной системы он предложить не сумел, да и вряд ли это тогда было возможно.

Пятое письмо датировано 14 июля [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 27–29]. Оно, в частности, знакомит нас с особенностями пароходной связи между двумя берегами Керченского пролива, существовавшей в то время. Чрезвычайно любопытна также характеристика Таманского полуострова как почти совершеннейшей пустыни, где было невозможно найти рабочих для производства раскопок. Ранее подобные суждения были высказаны А.Б. Ашиком и Д.В. Карейшей [Застрожнова (Панкратова), 2017, с. 143–144]. К.К. Гёрц лишь повторил их информацию:

«Ваше Сиятельство!

8-го числа²⁵ намеревался я переехать на пароходе на Таманский полуостров, чтобы предварительно познакомиться с местностью будущих моих исследований, но буря, бывшая ночью, и сильный ветер, который дул утром, принудили капитана парохода отказаться от взятия с собою баржи, на которую должен был быть поставлен тарантас и инструмент, необходимый для производства земляных работ.

²³ Имеется в виду описание керченской церкви Иоанна Предтечи [Montpreux, 1843, p. 113–114]. См. также письмо № 7.

²⁴ Описание храма, сделанное П.И.Сумароковым [Сумароков, 1805, с. 108–109], нельзя считать сколько-нибудь подробным и основательным. Относительно наружного вида церкви он отметил: «На наружных стенах оной представляются грубо высеченные выпуклостью (т.е. рельефно – Ю.В.) изображения, и вокруг всей церкви встречаешь частицы мраморных колонн, капителей и не обработанные оного куски» [там же].

²⁵ Если эта дата точна, то следует признать, что К.К. Гёрц собирался отбыть из Керчи на Тамань до составления двух первых писем.

Этот отказ очень меня огорчил, потому что в день отъезда парохода (он отходит в Тамань только дважды в неделю: в среду и субботу) мы должны были много хлопотать и встали очень рано. Оставалось одно – провести ещё неделю в Керчи и употребить это время для приискания рабочих. Это сопряжено с большими хлопотами и переговорами. Все описывают нам наше будущее положение в Тамани как весьма затруднительное: это пустыня, говорят все, где ничего нельзя достать и нужно запастись решительно всем, что сопряжено с большими издержками и, если явится в чём-либо потребность, то необходимо опять посылать в Керчь, что по редкому плаванию парохода, опять сопряжено с значительными издержками и потерей времени. Не говоря уже о разных запасах провизии, напр[имер], картофеля, муки и т.д., мы принуждены запастись и топливом для приготовления кушанья: каменным и древесным углём и даже дровами, нужными для растопки угля. Хотя г. директор и даёт нам некоторую мебель, тем не менее, намереваясь провести на Сенной около трёх месяцев, я купил ещё два самые простые стола, разную деревянную хозяйственную посуду и т.д. Без деятельного содействия моего брата я никак бы не мог управиться с устройством нашего будущего местопребывания.

Другое, и в высшей степени хлопотливое затруднение представляет отыскание рабочих в Керчи. Без производства раскопок на месте древней Фанагории я не буду в состоянии представить Вашему Сиятельству отчёт о моей экспедиции, в котором бы содержались новые данные для науки²⁶. Поэтому я решился произвести раскопки, несмотря на возвышенные цены на рабочих в настоящее время в Керчи. Упадка этих цен не предвидится, но потому что требование на труд здесь на данное время огромное, что при здешней дороговизне жизни, невероятной со времени последней войны, чрезвычайно возвысило цены на рабочих. Кроме того, рабочие, отправляющиеся в Тамань, принуждены взять с собой на долгое время большой запас провианта; кроме того, им трудно покидать свои семейства, и они неохотно идут в пустыню. Они лучше довольствуются меньшей платою в Керчи. Так надсмотрщику Сурикову, уже прежде в разное время работавшему на Таманском полуострове при Ашике, Карейше, Бегичеве и т.д., и поэтому по знанию местности и бывших раскопок для меня драгоценному человеку (он, кроме того, был надсмотрщиком у П.М.Леонтьева в Тамани)²⁷, я плачу ежемесячно жалованье 25 р[ублей] с[еребром]. Ныне постройка крепости близ Керчи, где рабочие получают, правда, в каменистом грунте по 5 р[ублей] с[еребром] за кубическую сажень, построение набережной, нагрузка и выгрузка кораблей, возобновление домов, а в будущем месяце разработка соли на 250 000 р[ублей] с[еребром] занимают в здешнем малолюдном крае столько рук,

²⁶ Стоит напомнить, что отчет о раскопках в Фанагории С.Г. Строганову так и не был направлен.

²⁷ П.М. Леонтьев – профессор Московского университета [Тункина, 2002, с. 248; Фролов, 2006, с. 184–186]. К.К. Гёрц ошибочно посчитал, что он проводил раскопки в Тамани. П.М. Леонтьев известен исследованиями Недвиговского городища (Танаиса) в 1853 г. Надсмотрщиком над землекопами тогда был поставлен керчь-еникальский мешанин Суриков [Тункина, 2002, с. 603].

что для археологических разысканий, для нынешнего поколения рабочих по ценам более непривлекательным, в будущем будет трудно приискывать рабочих. Поэтому я стараюсь прежде, нежели откроется добывание соли, найти хотя <бы> небольшое число рабочих, чтобы несколько разведать местность Фанагории. Если мне удастся заключить с ними выгодное условие, то я уведомлю Ваше Сиятельство тотчас же о ценах и о дате моего отъезда на Тамань. Найти же рабочих на безлюдном Таманском полуострове, по уверению тамошних жителей, нет никакой возможности. Как со времени войны здесь поднялись цены даже для продовольствия низшего класса, можно судить из того, что пуд муки до войны стоил от 50 до 60 к[опеек] сер[ебром], а в настоящее время стоит 1 р[убль] с[еребром] 20 к[опеек] сер[ебром]. С этими ценами всё возросло пропорционально. Инструменты для рабочих я получил отчасти от г-на директора Музея, отчасти должен сам купить. Мне важно получить здешних, уже опытных в раскрытии древностей рабочих: неопытные мало полезны, а в иных случаях даже вредны. Эти трудные обстоятельства меня очень волнуют и озабочивают и, хотя я уже целую неделю живу в Керчи, но беспокойное расположение духа вовсе лишает меня возможности посвятить более внимания пантикапейским гробницам.

P.S. Я мог найти только семь человек рабочих, с которыми и заключил условие для производства работ на Таманском полуострове при следующих ценах: 1) за работу без отвозки откапываемой земли на тачках по 2 р[убля] с[еребром] за кубическую сажень; 2) с отвозкой земли на тачках по 2 р[убля] 50 к[опеек] сер[ебром] за кубическую сажени и в 3) если свойство раскопок потребует подённой работы – по 1 р[ублю] с[еребром] за день каждому рабочему. Уже до войны цены работ на Таманском полуострове были 1 р. 50 и 2 р[убля] с[еребром]. Надеюсь, что сообразя все выше изложенные обстоятельства, Ваше Сиятельство найдёт цены заключённого мною условия умеренными. Пароход отходит завтра, в среду, и я с рабочими отправляюсь завтра же, где начну раскопки, сообразные с настоящим числом рабочих, сам познакомлюсь предварительно с местностью и возвращусь в субботу обратно в Керчь, чтобы в Воскресный день, когда свободные рабочие собираются на базаре, собрать вторую, гораздо большую партию.

С глубочайшим почтением имею честь быть Вашего Сиятельства всепокорнейшим слугою К. Гёрц.

Шестое письмо было написано 17 июля уже не из Керчи, а с Таманской стороны, из казенного дома близ станции Сенной. Этот дом был построен по инициативе графа Л.А. Перовского в 1852 г. [см. Застрожнова (Панкратова), 2017, с.143–144; Застрожнова, 2019, с. 66, рис. 24] и ликвидирован в 1884 г. [Застрожнова (Панкратова), 2017, с. 147]. Это письмо К.К. Гёрца любопытно во многих отношениях [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 30–33]:

«Ваше Сиятельство!

Накануне моего отъезда из Керчи, 14-го июля, я имел снова удовольствие получить утром от г-на директора Музея приглашение – присутствовать при вскры-

тии гробницы, показавшейся в одном большом кургане по дороге на Павловскую батарею. Курган этот уже разрывался в прошлом году, и, после долгих усилий, найдено одно пепелище. В настоящем году г. директор продолжил свои разыскания и при мне, в особой каменной оболочке, сложенной из нескольких стянутых свинцом камней, найдена была бронзовая урна, некогда позолоченная, с прахом покойника и только одним резным, пострадавшим от огня камнем²⁸. находка, по своей новости, была для меня в высшей степени любопытна.

15-го июля, в 8 часов утра я с рабочими и инструментами для раскопок отправился на пароходе «Родимый» из Керчи в Тамань. Погода была превосходная, но теперь стоит постоянно чрезвычайно жаркая, и только сев[еро]-вост[очный] ветер смягчает удушливый жар. Мы переехали со всем нашим хозяйством, мебелью, запасами провианта, рабочими и инструментами. На пароходе разговаривал с кавказскими офицерами, которые сообщили мне любопытные подробности об Адагуме: для укрепления срублены там целые леса, на пушечный выстрел со всех сторон, и под этими лесами найдены курганы. Над семью из них построены уже укрепления: при постройке их не раскапывали. Впрочем, поездка туда, несмотря на недалекое расстояние отсюда, сопряжена с опасностью со стороны черкесов: <путешественников> обыкновенно сопровождает конвой с пушками.

Уже на пароходе заметили мы тучи саранчи, которая опустошает теперь Черноморию. Здесь почти ежечасно мы видим ее бесконечными стаями, перелетающей с одного места на другое.

Приближаясь к <...> восточному берегу, на котором стоит Тамань, я был удивлен, увидав расположившихся на нём в палатках со всем имуществом черкесов в самых живописных костюмах, с женами, детьми и т.д. Вскоре я узнал от кавказских офицеров, что эти закубанские черкесы, из которых одни в настоящее время переселяются в пределы России, другие, по их желанию, в Турцию.

Тамань есть очень жалкий город: все прежние, вероятно, очень порядочные его дома в последнюю войну разорены, и владельцы их, по-видимому, не имеют возможности снова отстроить их. Ныне обитаемые дома больше ходят (похожи – Ю.В.) на хижины. Так как нужно было хлопотать о перевозке всего нашего имущества на волах на станцию Сенную, то я не имел времени осмотреть Таманскую церковь, где хранятся разные древности: надеюсь это сделать в одну из моих ближайших поездок в Керчь. Суворовская крепость Фанагория есть груда самых жалких развалин, в которой не видно ни души. Отсюда вся страна до Сенной решительно голая степь.

В 3 часа пополудни приехал я с братом к хутору г. Семянки, лежащему на берегу Таманского залива, за валами древней Фанагории и окружённому деревьями. Глаза впервые отдохнули на зелени дерев. В ста шагах от него находится казённый дом,

²⁸ Речь идет о раскопках Первого кургана Юз-Обы, в котором был обнаружен каменный «футляр», заключавший бронзовую погребальную урну [Виноградов и др., 2012, с. 36–42, рис. 17–19].

назначенный Вашим Сиятельством для нашего жилища: он тоже обращён к морю и ныне приводится в порядок после запустения, в котором оставался в последнюю войну, когда все жители отсюда бежали. Дом очень поместителен, построен солидно и <представляет> истинное благодеяние для меня в этой пустыне. Г. Семеняка, непредуведомлённый о нашем приезде, не успел его окончить: в зале разбито много окон и т.п. Всё это будет на днях исправлено, так что я надеюсь прожить здесь весьма удобно, тем более, что у весьма учтливого смотрителя станции я, к счастью, нашёл возможность покупать всё то, что нужно для нашей скромной трапезы.

Вечером я с г. Семенякою обошёл всю ему превосходно известную местность Фанагории, в высшей степени меня изумившую. Наблюдения, ежедневно мною сделанные, я сообщу в последствии Вашему Сиятельству. Теперь скажу Вам только, что такой гигантской насыпи я никогда не встречал в Европе: это походит на насыпь Ниневи²⁹. Для раскопок ей нужны сотни рук и – десяток лет, а, может быть, и более. Пока это для меня огромная загадка.

Не успев несколько устроиться, я на другой же день, т.е. вчера поутру, пошёл с моим надсмотрщиком обозреть те места, где можно было найти занятие тому небольшому числу рабочих, которых я на первый раз собрал. С семью человеками раскапывать огромную насыпь Фанагории было бы совершенно неуместно, и поэтому я избрал в ряду курганов, тянующихся от станции Сенной по берегу Таманского залива и сильно раскопанных Ашиком, Карейшею и Бегичевым, два небольших, которые своєю формою или, лучше сказать, целостью наружного вида подавали некоторую надежду найти в них неразорённые гробницы. Сверх всякого ожидания, один из них осуществил эту надежду даже сегодня утром, на другой день раскопок. Подробности открытия небольшой гробницы и находки, мною сделанные, Ваше Сиятельство найдёт в журнале, который я в своё время буду иметь честь представить Вам³⁰. Сегодня скажу только, что ориентировав раскопку по вероятным соображениям, я почти у подошвы второго кургана нашёл небольшую гробницу и в ней очень простую глиняную лампочку и тщательно уставленную т.н. этрусскую расписную вазу (пепельную урну) с прахом покойника, но без всяких вещей. Ваза имеет 23 ½ сантиметра вышины; на чёрном фоне красные фигуры; с одной стороны три, с другой – две.

Недостаток в учёных пособиях не позволяет мне с точностью определить главную сцену. Ваза под моим наблюдением была вынута из земли с величайшею осторожностью, так что она почти целая; только земля, окружавшая её в течение двух тысячелетий, несколько попортила живопись. По стилю она принадлежит време-

²⁹ Самой Ниневи К.К. Гёрц, конечно, не видел, и по поводу ее раскопок знал только из археологической литературы.

³⁰ В Археологическую комиссию были представлены три журнала, озаглавленные «Археологические исследования на предполагаемой местности древней Фанагории в окрестностях станции Сенной» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 49–140].

ни, последовавшему за высшим процветанием искусства. По общему уверению, это первая цельная ваза, открытая в Фанагории. Я должен отдать справедливость опытности и старанию надсмотрщика Сурикова, работавшего над вскрытием гробницы³¹.

Теперь осмеливаюсь обратиться к Вашему Сиятельству в ожидании следующих приказаний: удовно ли Вам будет, чтобы я находимые мною удобопересылаемые предметы тотчас же пересылал в Москву на имя Вашего Сиятельства или удовно будет Вам назначить другое место, куда отсылать их? Что же касается до других находок, каковы, напр[имер], архитектурные и скульптурные фрагменты или слишком тяжеловесные предметы, то я осмеливаюсь испросить предписание у Вашего Сиятельства: отправлять ли мне их в Керченский Музей или оставлять здесь в казённом доме, который будет состоять под надзором г. Семеняки, и на какие суммы делать мне эту пересылку в первом случае? С нетерпением ожидаю на все эти запросы приказаний Вашего Сиятельства. Жаль также, что в казённом доме нет решительно ничего, ни шкапа с замком, ни полок для временного хранения находимых вещей, из которых могут быть золотые, так что я каждую минуту опасуюсь как за сохранность, так и их цельность.

Завтра, в субботу, я поеду снова в Керчь, чтобы приискать как можно большее число опытных рабочих и заключить с ними условие для продолжения столь счастливо начатых раскопок. Первая счастливая находка привела меня в величайший восторг.

Примите, Ваше Сиятельство, уверение в глубочайшем уважении и почтении к Вам Вашего всепокорнейшего слуги К. Гёрца.

Адрес: Станция Сенная, на Таманском полуострове, в земле Черноморского войска».

Шестое письмо, помимо прочего, любопытно упоминанием некоторых деталей, не имеющих особого отношения к археологии. К примеру, о стаях саранчи, опустошавших поля Таманского полуострова. К.К. Гёрц не обошёл вниманием и исторический факт – переселение черкесов в Османскую империю.

Тамань, по его впечатлениям, была очень жалким городком, дома в котором были похожи на хижины. Суворовская крепость Фанагория вообще представляла собой грудку развалин. Садов и виноградников, характерных для современных пейзажей Таманского полуострова, тогда попросту не существовало. Зелень деревьев была замечена только на хуторе Семеняки. В общем, есть все основания считать, что вид района проведения археологических работ не произвел на К.К. Гёрца отрадного впечатления. Тем не менее, раскопки были начаты незамедлительно, и находка первой краснофигурной вазы привела исследователя в полный восторг.

Седьмое письмо было написано из Сенной 30 июля [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1.

³¹ Керчь-еникальский мещанин Суриков действительно был замечательным полевым археологом [Тункина, 2002, с. 336]. См. также прим. 27.

Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 34–35]. В нем особенно интересно описание нравов обитателей г. Керчи, куда К.К. Гёргс приезжал нанять дополнительных рабочих:

«Ваше Сиятельство!

18-го июля приехал я в Керчь, чтобы найти снова рабочих и в течение двух праздников заключил условие с 17 новыми рабочими. Вторым надсмотрщиком избрал я Петра Летвеева, знатока первостепенного по части курганов, которого опытность я с тех пор узнал вполне. Неприятнейшим зрелищем в Керчи в эти дни было для меня пьянство низших классов, далеко превосходящее всё мною виданное в этом роде до сих пор, потому что оно сопровождается самыми низменными сценами на улицах, начиная с раннего утра. Само собою разумеется, что это зло деморализует в высшей степени низший класс керченского населения. Мне рассказывали, что в месяц после раздачи вспоможений пострадавшим от войны Керченский винный откуп получил 45 тыс. сер[ебром] дохода – половину розданной суммы. Оттого между керченскими курганиками встречаются испорченные индивидуумы, из которых иные, к сожалению, попали и ко мне; они заставляют меня скоро отпустить их отсюда.

Во время моего пребывания в Керчи я посетил во второй раз старинную Греческую церковь³². Дюбуа, основываясь на надписи, находящейся на одной из колонн, относит постройку к 757 году³³. Это очень не точно и показывает незнание истории развития архитектурных форм. В самом деле, четыре ея колонны могут относиться к этой эпохе; нынешняя же церковь (помимо новейших пристроек) есть произведение XII или XIII века, если не позже³⁴. Говорят, что под церковью находится склеп с саркофагами, весьма древний; при перестройке церкви в начале нынешнего столетия намеревались открыть его и испрашивали на то позволения у Синода, но получили отрицательный ответ. Любопытно было бы узнать, современен ли он с древнейшею постройкою, которой единственным остатком я считаю четыре мраморные колонны.

Во время моего пребывания в Керчи жара доходила до 27° Реом[юра] в тени³⁵. Сегодня у нас настоящая африканская атмосфера.

По возвращении моём на Сенную, я приступил к новым работам с увеличенным числом рабочих, которое теперь, с прибытием разных черноморских рабочих, увеличилось до 40 человек. Но счастье, улыбнувшееся мне сначала, теперь, по-видимому, покинуло меня, потому что в аллее курганов, тянущихся вдоль Таманского залива, я, кроме детской гробницы с незначительными сосудами, нахожу только гробницы разорённые в глубокой древности людьми, знакомыми с похоронными обычаями сво-

³² О первом посещении церкви Ионна Предтечи см. письмо № 4.

³³ De Montrégeux, 1843, p. 114. См. также: Латышев, 1896, с. 93–95.

³⁴ Как показывают материалы археологических раскопок, церковь была построена на рубеже IX–X вв. [Макарова, 1982, с. 103; 1998, с. 391].

³⁵ Это почти 34° по Цельсию.

ей страны. Я намерен перенести разыскания на курганы другой местности; но все здешние курганы вообще подают мало надежды, потому что нетронутых курганов, по-видимому, вовсе нет, а все вообще имеют впадины – признаки разграбления в древности. Я вовсе не приписываю всех разграблений генуэзцам³⁶. Незначительные предметы можно надеяться найти в присыпях или столь невысоких насыпях, что они ускользали от внимания грабителей. Большие по высоте и объёму курганы раскопаны в новейшее время Ашиком, Карейшею, Бегичевым и Лазаревским³⁷: эти копки можно узнать с первого взгляда. Исследования же на местности Фанагории доказывают мне, что для нахождения следов греческого города нужно очень углубиться в землю, что сопряжено с огромными издержками. Здесь часто встречаются монеты, настолько окислише, что не могут служить мне даже указателем времени слоя, в котором найдены.

В последнем письме моём к Вашему Сиятельству от 21-го июля³⁸ я просил Вас отдать приказание о немедленной высылке мне 1000 р[ублей] сер[ебром] из сумм, Вами назначенных для моих археологических разысканий. Осмеливаюсь надеяться, что эти деньги уже отправлены, потому что я при значительном числе рабочих очень в них нуждаюсь.

Надсмотр над производством работ, в одно время производимых на многих пунктах, занимает меня так сильно, что я в настоящем письме должен ограничиться самыми общими известиями о моих раскопках.

С глубочайшим уважением и преданностью имею честь быть Вашего Сиятельства всепокорнейшим слугою. К. Гёрц».

Восьмое письмо датировано 10 августа 1859 г. В нём К.К. Гёрц продолжил свой рассказ о ходе раскопок [там же. Л. 36–37]:

«Ваше Сиятельство!

С перенесением моих раскопок на другую местность, я имел счастье найти две нетронутые гробницы, хотя и здесь нет недостатка в ограблениях. Именно, с прошлой недели произвожу я раскопки на Солонцах, возле сопки, называемой здесь жителями Блевака, где насыпь отличается необыкновенною твёрдостью, которая замедляет ход работ и очень утомляет рабочих³⁹. В последнем раскопанном мною

³⁶ В то время точка зрения, что генуэзцы были главными грабителями древних курганов, была очень популярной. К примеру, ее придерживался П.М. Леонтьев [Леонтьев, 1851, с. 69–70].

³⁷ В отличие от А.Б. Ашика, Д. В. Карейши и К.Р. Бегичева, имя Я.М. Лазаревского в сочинениях, посвященных истории боспорской археологии, вспоминается не часто. Между тем он был включен в штат Керченского музея в 1853 г. вместе с А.С. Линевичем (см. прим. 51) в качестве «чиновника для раскопок» [Тункина, 2002, с. 303; Федосеев, 2017, с. 64]; в мае 1855 г. Я.М. Лазаревский был очевидцем захвата Керчи неприятельским десантом [Виноградов, 2017б, с. 38]. Ему принадлежит статья о курганах Таманского полуострова [Лазаревский, 1861].

³⁸ Это письмо в Архиве ИИМК РАН отсутствует.

³⁹ Скорее всего, в силу своей неопытности, К.К. Гёрц принял за курган один из расположенных на этой местности грязевых вулканов.

кургане на берегу Таманского залива, в котором находилось несколько гробниц, на-
чисто расхищенных, я имел удовольствие найти раздавленную землю расписную
вазу, которой фрагменты тщательно мною собраны, так что искусный рестав-
ратор, надеюсь, будет в состоянии восстановить ее довольно удовлетворительно.
По стилю и исполнению она принадлежит временам упадка. На ней изображена
женщина, стоящая на колеснице, запряженной конями, и перед нею находится еще
другая колесница. Впрочем, описать теперь подробно эту вазу я не в состоянии, по-
скольку она лежит в черепках.

В одной жжёной, нетронутой гробнице на Солонцах я имел счастье найти: 1)
22 бусы из дутого золота, составлявшие ожерелье, которые некогда связаны были
золотой же проволокою; 2) две серьги из дутого золота, довольно изящные по ри-
сунку; 3, <4>) серебряные кольцо и браслет и, наконец, 5) небольшой расписанный
сосуд, к сожалению, без горла, на котором изображена танцующая женщина. О
сосудах без рисунков и других мелочных находках умалчиваю. Весьма замечательна
здесь же, на Солонцах, в одном разграбленном кургане сделанная находка 22 мед-
ных монет, сильно окисших, по-видимому, пантикапейских; вообще монеты часто
встречаются.

На местности древней Фанагории, где в разных местах провожу траншеи для
исследования слоя греческой насыпи, найдены немногие архитектурные фрагмен-
ты. Но из всех моих находок самая замечательная, сделанная 4-го августа, есть,
без сомнения, открытие мраморной плиты, к сожалению, сильно поврежденной,
найденной мною в фундаменте татарского жилища, некогда существовавшего возле
того места, где г. Семеняка открыл памятник Кассалии⁴⁰.

На этом мраморе низкого качества, имеющем в длину 1 аршин и 1 ½ [ершка],
в ширину 13 ½ верш. и толщину 9 верш., находится следующая историческая над-
пись⁴¹:

ΒΑ]ΣΙΛΙΣΣΑΝΔΥΝΑΜΙΝΦΙΛΟΡΩΜ[Α
ΝΕΚΒΑΣΙΛΕΩΣΜΕΓΑΛΟΥΦΑΡΝΑ
ΚΟΥΕΚΒΑΣΙΛΕΩΣΒΑΣΙΛΕΩΝΜΙΘ[ΡΑΔΑ
ΤΟ]ΥΕΥΠΑΤΟΡΟΣ ΝΥΣ Υ
ΝΓΑΥΤΩΝΕ ΑΙΕΥ[
Ν ΑΗΜ ΤΕΩ

т.е.

⁴⁰ Весь верхний слой местности древней Фанагории покрыт следами татарских жилищ [примечание
К.К. Гёрца].

Посвящение Афродите Урании, сделанное Кассалией, дочерью Посия, было найдено в апреле 1853г.
[КБН. 972].

⁴¹ Постамент статуи Динамии сейчас хранится в Гос. Эрмитаже [КБН. 979].

Царицу Динамиду, дружную с народом римским,
дочь великого царя Фарнака,
внучку царя царей Митридата
Евпатора

Ясно, что эта надпись принадлежит к благодарственным (<...> Ehreinschrift), но едва ли удастся проницательности самого Бёка⁴² удовлетворительно восстановить изглаженные (вспомните место её нахождения) её слова, в которых упомянут был повод сооружения и имена граждан, воздвигнувших этот памятник. Тем не менее, и в этом испорченном виде он, по моему мнению, в высшей степени важен, потому что есть монументальное свидетельство как родословной этой царицы, так и нового факта в босфорской истории, о котором я в последствии надеюсь предоставить мои соображения Вашему Сиятельству⁴³. Точный рисунок и оттиск на бумаге надписи я привезу с собою. Ныне ожидаю распоряжений Вашего Сиятельства относительно его хранения: так как этот кусок мрамора около 15–20 пудов весу, то угодно ли будет Вам, чтобы он был перевезён в Москву или прикажете Вы его хранить в здешнем казённом доме в ожидании дальнейших распоряжений? Я начал, насколько позволяют раскопки, обзор памятников древности в здешних окрестностях посещением двух курганов, известных под именем Близнецы; они находятся на расстоянии 5 или 6 вёрст отсюда и версты на 3 от станицы Стеблеевки и одинокие стоят на длинном кряже. Без сомнения, эти величественные памятники суть царские гробницы, но для раскопки хотя <бы> одного, напр[имер], большого необходимо от 4 до 5 месяцев, большое число рабочих и разные облегчения для рабочих, напр[имер], доставка воды из Стеблеевки и т.д. Недалеко от них находятся четыре кургана, которые обещают замечательные находки⁴⁴.

Чем дальше знакомюсь я с Таманским полуостровом, тем более нахожу здесь следов греческих поселений, которых имена даже не дошли до нас. Почва классическая на каждом шагу. Вот почему я считаю необходимым обратить внимание Вашего Сиятельства на новый проект, при исполнении которого, полагаю, должен присутствовать кто-либо из лиц, имеющих честь служить в Императорской Археологической Комиссии. Именно, нынешний наместник Кавказский намерен провести от Ахтанизовского лимана к Таманскому заливу канал для пароходного сообщения Кубани с Крымом. Ныне приступили уже к измерению уровня этих вод, и, если проект этот осуществится, то, если не ошибаюсь, необходимо, чтобы при рытье канала присутствовал археолог, потому что здесь могут быть найдены раз-

⁴² Август Бёк (1785 – 1867) – немецкий филолог-классик, составитель свода «Corpus Inscriptionum Graecarum» (1824–1859), положившего начало современной эпиграфике.

⁴³ Такого исторического сочинения К.К. Гёрц не составил.

⁴⁴ Очевидно, К.К. Гёрц обратил внимание на курганы, расположенные на вершине Васюринской горы.

ные древности, которые иначе погибнут для науки⁴⁵. Когда слой греческий будет снят и дойдут до материка, то надзор может прекратиться.

На прошлой неделе я уволил совершенно одну артель рабочих, которая доставляла мне много неудовольствия; другие, непривычные к земляной работе, возвратились в Керчь, так что я в настоящую минуту имею только 24 человека. Впрочем, так как полевая работа подходит к концу, то я надеюсь скоро найти других. Погода у нас прекрасная.

С глубочайшим почтением имею честь быть Вашего Сиятельства вернопокорнейшим слугою

К.Гёрец».

В этом письме особое внимание привлекает информация о находке постамента статуи Динамии. К.К. Гёрец даже скопировал высеченную на нем надпись (рис. 1). Стоит отметить, что он не заметил некоторые имеющиеся на ней буквы и, соответственно, предложил не полный ее перевод [ср. КБН. 979]. Впрочем, такая эпиграфическая работа требовала специальной подготовки, которой Карл Карлович не имел.

Девятое письмо было направлено С.Г. Строганову 24 августа 1859 г. [там же. Л.38–40]:

«Ваше Сиятельство!

Спешу изъяснить Вам мою искреннюю и глубочайшую признательность за пересылку денег для продолжения раскопок, о чём я получил вчера извещение от Таманского почтового отделения. Завтра еду я в Тамань, чтобы взять их с почты и при этом случае намерен осмотреть греческие надписи, находящиеся в таманской церкви, преимущественно же описать одну, имеющую важное отношение к открытой мною надписи с именем царицы Динамисы⁴⁶.

Раскопки наши в курганах продолжаются непрерывно. Желая приобрести опытность в этом трудном и многосложном деле, требующем много наблюдательности, я начал раскопки с небольших курганов и насыпей, сперва на берегу Таманского залива, близ станции Сенной, а потом близ сопки Блеваки. Но эти исследования, весьма важные в практическом отношении, не привели к тем результатам, которые я ожидал: возвышенности эти большею частью оказались совершенно расхищенными предположительно в древние времена, потому что не представляли больших затруднений грабителям. Недавно приезжал сюда на два дня г-н директор Керченского Музея и присутствовал при вскрытии трёх гробниц на последней из выше названных местностей: все три оказались совершенно расхищенными. Поэтому, приобретя в известной степени некоторую опытность в системах раскапывания курганов, я решился оставить раскопку небольших курганов и перенес работы на местность, где хотя и видны следы

⁴⁵ Канал от Ахтанизовки до Керченского пролива прорыт не был. По этой причине проект первых новостроечных археологических исследований на Таманском полуострове осуществить не удалось.

⁴⁶ Нет сомнения, что К.К. Гёрец имел в виду ныне утерянный постамент статуи, установленной царицей Динамией [КБН. 1046].

прежних искателей золота, но находятся большие курганы, почти нетронутые новейшими исследованиями. Эта местность находится вдоль берега Таманского залива и простирается от хутора Чижевского к Шимарданской бухте. Здесь раскапывают в настоящее время более 20 рабочих 4 большие кургана, и хотя расстояние от казённого дома до места раскопок для ежедневных моих наблюдений значительно, но я забываю усталость и труды в надежде достичь только счастливого результата.

Раскопки на предполагаемой местности древней Фанагории тоже продолжаются, хотя я за недостатком рабочих не могу дать им тех размеров, как бы желал. Я надеялся набрать в Черномории хотя <бы> небольшую партию рабочих, но разработки соли в Тамани, где рабочие получают по 1 р[ублю] сер[ебром] в день, отняли у меня последнюю надежду. Тем не мене, и 5–6 человек, работающие на этом месте, делают не меньшего интереса открытия. Так в последнее время найдено множество черепиц, покрывавших какое-то здание времён римских императоров, на которых находится весьма странное греческое клеймо. Там же найдена часть пьедестала, на которой стояла мраморная плита с надписью, долженствующая тоже находиться где-либо близко; рельеф, изображающий какого-то государственного мужа, оратора или т.п., но у которого верхняя часть отшиблена, вероятно, татарами. Кроме того на хуторе Чижевского я нашёл опущенными в землю две надгробные плиты с рельефами⁴⁷; а его (Чижевского – Ю.В.) рабочими найден при выделке кирпича на месте древней Фанагории огромный глиняный кувшин или, лучше сказать, род бочки, имеющей в высоту более 1 1/2 аршина⁴⁸.

В заключение этого письма могу весьма приятно уведомить Ваше Сиятельство о новом счастливом открытии, мною сделанном в одном из больших курганов, о котором я говорил выше, при обстоятельствах, заставляющих удивляться спасению этого прекрасного памятника греческого искусства. В насыпи, а не в материке (потому как в этом раскопе до материка ещё не дошли), около сажени от поверхности земли, 20-го августа была открыта большая расписанная ваза, имеющая 9 вершков вышины, которая по сюжету есть чисто аттическое произведение, не имеющее ничего себе подобного в Керченском отделении Императорского Эрмитажа, а по прекрасному исполнению принадлежащая 3-му, если не 4-му веку до Р.Х. Но, по причине нахождения ея не в каменной гробнице и не в материке, а на насыпи, где в течение двух тысяч лет лежала на ней, кроме того, двухсаженная насыпь, её, к сожалению, нельзя было спасти из глинистой земли в совершенной целостности. Тяжесть, лежавшая на ней, уже давно раздавила её в некоторых частях, но, к счастью, при чрезвычайно осторожном освобождении ея, продолжавшемся более часу с половиною, пострадал только тот бок ея, где изображены орнаменты, и горло; главная же сцена, кроме некоторых мест, осталась

⁴⁷ Рельефные изображения на этих надгробиях состояли из двух ярусов. В верхнем были представлены фигуры двух всадников, стоящих напротив друг друга [Гёрц, 1876; 1900, с. 147–151].

⁴⁸ Нет сомнения, что рабочие Чижевского обнаружили вкопанный в землю пифос, высота которого составляла немногим более 1 м. См. также письмо № 11.

в сохранности. При реставрации ея, реставратор должен будет тяжеловесное горло сосуда укрепить деревянными подставками. На главной стороне изображён юноша с длинными локонами, в богатой одежде, увенчанный лавровым венком. Над головой его парит гений победы; у ног находится большая ваза – приз, полученный им на публичных играх. С благоговением простирает он руки к Афине, которая, окружённая сонмом богинь, в числе которых Гера занимает первое место, возлагает на главу победителя золотую тению. Позы богов исполнены необыкновенного величия и красоты: так Геру характеризует гордость, Афина отличается спокойствием и т.д. Некогда все женские украшения на богинях, как то: ожерелья, браслеты, серьги, были вызолочены, но золото теперь исчезло. Если бы эта ваза была найдена в каменной гробнице, которые так многочисленны в Керчи, то её можно было бы сохранить в целостности. Здесь же, к сожалению, каменные гробницы редки, и все найденные мною до сих пор вазы стояли ничем не защищённые, просто в земле, отчего они пострадали уже в недрах земли прежде, нежели появились второй раз на свет божий. Замечу ещё, что курган, в котором я имел счастье найти это прекрасное произведение, в числе немногих на этом пространстве был уже отчасти раскопан Карейшею.

Поручение Вашего Сиятельства относительно подлинного местонахождения мраморной плиты с надписью Ксеноклида⁴⁹ я исполню, насколько возможно узнать о том в здешнем крае, равно как и при сортировке находимых мною древностей буду руководствоваться Вашим предписанием.

С глубочайшим почтением и уважением имею честь быть Вашего Сиятельства всепокорнейшим слугою К. Гёрц».

К сожалению, исследователь не поделился своими впечатлениями от осмотра надписей, хранившихся в таманской церкви. Трудно сказать, составил ли он описание находившегося там посвящения царицы Динамии. Напомню, что К.К. Гёрц обещал С.Г. Строганову подготовить сочинение об этом периоде боспорской истории (см. предыдущее письмо), но свое обещание он, скорее всего, не исполнил.

Десятое письмо датировано 8 сентября [там же. Л. 41–42]:

«Ваше Сиятельство!

Исследования мои как на месте древней Фанагории, так и в курганах, окружающих этот город, продолжают, благоприятствуемые превосходною погодою (у нас до сих пор 20° по Реомюру в тени⁵⁰), непрерывно, в настоящую минуту с бóльшим, против прежнего, числом рабочих, потому что некоторые из здешних жителей, окончив свои полевые занятия, приходят на время ко мне, что позволяет мне теперь делать разведки на разных пунктах. В субботу, 5-го сентября, на пути из Астраханской губернии уехал отсюда в Керчь после однодневного пребы-

⁴⁹ Посвящение Ксеноклида, сына Посия, было найдено около станицы Ахтанизовской в 1818 г. [КБН. 1014].

⁵⁰ 20° по Реомюру соответствует 25° по Цельсию.

вания А.С. Линеви⁵¹. Я показывал ему все мои раскопки, места, его интересовавшие, а также и открытые мною древности. В числе последних я имел счастье открыть в вечер приезда Александра Станиславича прекрасную большую бронзовую урну с тремя ручками, вышиною около 10 вершков. К сожалению, она пострадала в земле, потому что была, как колпаком, накрыта тяжеловесным конусом большой и грубой глиняной амфоры⁵², которая вследствие давления земли и собственной тяжести испортилась в верхней части. Если бы в Фанагории были не земляные, а каменные гробницы, то находимые здесь вещи сохранились бы гораздо лучше.

Но к самым моим удивительным, странным и до сих пор единственным в археологическом мире открытиям принадлежит исследование одного кургана, открытого мною за хутором Чижевского. По разным⁵³, собранным мною от здешних жителей сведениям об этом кургане, я, не приступая ещё к его раскопкам, вывел предположение, что это должен быть скифский курган. Под этим названием я и указал на него г. директору Керченского Музея во время его посещения <станции Сенной>, г. Семеняке и сообщил эти предположения и некоторым другим лицам. Раскопки, произведённые до сих пор в одной северной части кургана, блистательным образом оправдали мою догадку. Под греческою, каменною, к сожалению, разрушенною гробницею я нашел на 5 аршинах от поверхности материка катакомбу, весьма оригинально устроенную, тоже расхищенную, но в ней в кипарисовых саркофагах, кроме и некоторых оставленных грабителями вещей, каковы: медная монета, медные браслеты и два сосуда из тёмной глины, открыты остатки мужской одежды, именно: многочисленные фрагменты шерстяного верхнего платья (кафтана?), при прикосновении распадавшегося в куски; платок или большой кусок шерстяной материи, полосатый, сложенный в четверо, находившийся под изголовьем усопшего и – самое замечательное – шапка⁵⁴ из верблюжьей шерсти, сшитая из нескольких кусков, очень хорошо сохранившаяся, даже с частью волос покойного. Чтобы дать Вашему Сиятельству понятие о форме этой шапки и почему я её называю скифскою, я должен был бы приложить рисунок с неё. Но это совершенно лишнее: точное её изображение находится на скифах, представленных на разных предметах, найденных в знаменитой царской гробнице Куль-Оба и изданных в атласе Дюбуа и в «Древностях Боспора Киммерийского». Эта шапка – ипсит и, может быть, подобное открытие не повторится вторично. Чтобы предотвратить эти вещи от воздуха, губительно на них действующего, и от прикосновения рук любопытных, ещё более

⁵¹ А.С. Линеви⁵¹ в 1853–55 гг. работал в Керченском музее [Тункина, 2002, с. 303; Федосеев, 2017, с. 64], но ушёл отсюда по болезни и домашним обстоятельствам. С созданием Императорской археологической комиссии он стал ее делопроизводителем [Виноградов, 2012. С. 34]. Его перу принадлежит весьма содержательная статья о керченских гробницах [Линеви⁵¹, 1854].

⁵² Имеются все основания считать, что бронзовая урна была накрыта нижней частью остродонной амфоры. В этом убеждает рисунок, имеющийся в архивном деле [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 132 об.].

⁵³ В рукописи к подчеркнутому слову поставлен знак вопроса.

⁵⁴ Над словом «шапка» карандашом написано «башлык».

вредного, я тотчас отправил нарочного в Керчь, который купил картонны и стёкла, и теперь эти предметы находятся в футлярах под стеклом. Замечательно ещё, что эта скифская катакомба входом своим обращена на север, что совершенно противоречит погребальным обычаям Греции. Я перенёс теперь раскопки с северной стороны этого кургана на восточную, в надежде найти там нетронутую гробницу, а если нет, то соединить эти раскопки с северной стороной и потом, если позволят обстоятельства, пойти на центр, который, если он, судя по всем признакам, и будет разорён, то, может быть, сообщит новый факт об устройстве этого загадочного кургана.

Я посетил берега Ахтанизовского лимана и гору Бориса и Глеба (мыс Рахмановский по Дюбуа), где рассматривал местность и ясно видимый храм Дианы Агротеры⁵⁵. Но раскопки, которые необходимо <провести> на этом месте, потребовали бы моего личного непрерывного надзора, а по причине отдалённости этого места от Сенной и здешних моих многочисленных занятий, я от этих в высшей степени интересных исследований, к сожалению, в нынешнем году должен отказаться.

С глубочайшим почтением и преданностью имею честь быть Вашего Сиятельства верноподданнейшим слугою К. Гёрга.

Этот курган⁵⁶ не скифский, а греческий, т.к. в центре его найдена каменная греческая гробница. Катакомба была сделана в нём впоследствии, она принадлежит VI или VII в. по Р.Х.

Отвечать Гёргу некогда, т.к. в октябре он должен окончить раскопки.

1 октября 1859 г. Линевиц».

Катакомба, открытая в одном из фанагорийских курганов и столь взволновавшая К.К. Гёрга, заслуживает особого рассмотрения⁵⁷. Исследователь уверенно посчитал ее скифской, основываясь на находке характерной для скифов шапки. Достаточно ли этого для столь ответственного заключения? Вероятнее всего, нет. Прежде всего, следует обратить внимание, что катакомба была впущена в насыпь кургана на глубине около 3,5 м от его поверхности. Ее перекрывала какая-то каменная гробница, признанная К.К. Гёрцем греческой. Как явствует из следующего письма, насыпь была изрыта грабительскими минами, идущими к центру кургана, где, как представляется, находилось основное погребальное сооружение. В одной из этих мин были найдены два куса мрамора, которые, по мнению исследователя, принадлежали саркофагу погребенного здесь, т.е. в центре кургана, мужчины. Там же была найдена терракотовая статуэтка в форме черепахи. Стратиграфия кургана, о которой можно судить на основании этих обрывочных замечаний, не позволяет считать катакомбу особенно ранней, а значит, и скифской. Сделанные в ней находки (медные монеты и пр.) тоже никак не вяжутся с нашими представлениями

⁵⁵ Надпись с упоминанием Артемиды Агротеры была обнаружена около станицы Ахтанизовской в 1818 или 1819 г. [ДБК. 1014].

⁵⁶ Приписка А.С. Линевица сделана синим карандашом.

⁵⁷ Более подробно катакомба описана в «Журнале археологических исследований» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 116–118].

о скифской культуре. В этом отношении более обоснованным представляется заключение А.С. Линевича, хотя предложенная им дата является чисто умозрительной.

Между тем следует отметить, что К.К. Гёрц и в дальнейшем интересовался вопросом существования скифской культуры на берегах Боспора Киммерийского [Гёрц, 1868; 1900, с. 152–164], хотя о фанагорийской катакомбе при этом не упоминал. Его суждения по затронутому вопросу не отличались особенной глубиной. К примеру, исследователь полагал, что «цивилизация так тесно слила туземцев и пришельцев, греков и скифов, что исследователь не в состоянии отличить, по одним внешним признакам, могилы греков от могил скифских». Так что «только изобилие и богатство украшений в известных гробницах, их, так сказать, азиатская роскошь заставляет предполагать, что они принадлежат эллинизированным скифам высших сословий» [Гёрц, 1900, с. 154].

Одиннадцатое письмо К.К. Гёрца было составлено в Сенной 2 октября 1859 г. (это последнее письмо с берегов пролива) [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 43–44 об.], но приписка к нему была сделана уже в Москве 27 октября [там же. Л. 44 об. – 45]:

«Ваше Сиятельство!

С 15-го сентября погода очень мало благоприятствовала моим археологическим исследованиям: две недели работы производились с большими перерывами, и были такие дурные дни, что я подобных нигде не видал. Вследствие этой перемены в не-топленном казённом доме с этого времени господствует страшный холод. Не много счастья имел <я> в последние три недели и в археологических находках, хотя работал с увеличенным числом рабочих: иногда число их доходило до 50. Три большие кургана, стоявшие столько труда, времени и значительных издержек, оказались в центральных гробницах совершенно разорёнными. Курган, которому я дал наименование скифского, буквально изрыт минами, идущими на центр. Вероятно, в нём находился мужской саркофаг, потому что в одной из мин, с терракотой, изображающею черепаху⁵⁸, найдены были два куса мрамора.

Гораздо большим успехом увенчались в эти последние дни мои исследования на месте древней Фанагории. Там, кроме второй глиняной бочки⁵⁹, я открыл стены акрополиса, сложенные из нежжённых кирпичей, на которых я не видел следов по-жара⁶⁰. И недалеко от прежде найденной надписи царицы Динамисы я имел счастье

⁵⁸ Терракотовые статуэтки, изображающие черепах, в греческих городах Северного Причерноморья встречаются не часто. Все они датируются V в. до н.э. Такие находки отмечены на Березани [Клейман и др., 1970, с. 32, кат. 6, табл. 8, 5], в Ольвии [Леви, Славин, 1970, с. 40, кат. 11, табл. 11, 5; Скуднова и др., 1970, с. 50, кат. 18, табл. 28, 9], Пантикапее [Силантьева, 1974, с., 17, кат. 22, табл. 4, 5] и Фанагории [Кобылина, 1974, с. 24, кат. 29, табл. 21, 2].

⁵⁹ О первом пифосе см. письмо № 9.

⁶⁰ Как показали новейшие исследования, древние оборонительные стены Фанагории действительно были построены из сырца, при этом даже без каменного основания [Кузнецов, 2018а. С. 136–137; 2018б].

открыть большую каменную плиту с греческой надписью, состоящую из 12 строк и относящуюся к царю Реметалку⁶¹. Обширный и мною почти совершенно восстановленный текст этой надписи, равно как точный рисунок, я буду иметь честь представить в своё время Вашему Сиятельству⁶². Эта вторая надпись, довольно хорошо вообще сохранившаяся, служила для фундамента и была покрыта отчасти известью и только в двух местах очень пострадавшая, в высшей степени важна и принадлежит к счастливейшим моим открытиям⁶³. Следуя приказанию Вашего Сиятельства, на днях мною полученному, я должен был бы переслать обе надписи в Керчь, но г. Семеняка, единственный помещик, имеющий здесь плотника, отказался изготовить необходимые для пересылки этих мраморов ящики, потому что не имеет для того необходимой толщины досок. Поэтому я принуждён оставить оба камня здесь в казённом доме и просить А.Е. Люценко заказать для них ящики в Керчи.

Я посетил Фонтан, курганы и весьма замечательные т.н. батареи Киммерийского полуострова, был также на Дубовом рынке (Apaturion); найти на последнем месте остатки храма Афродиты Апатурийской будет весьма затруднительно.

Сегодня окончил я мои раскопки, составил опись найденным мною предметам, из которых одни, уложенные в ящик, перевозжу в Керчь, где, следуя предписаниям Вашего Сиятельства, передам его для временного хранения г. директору Музея, а другие оставляю здесь. Эту опись прилагаю при сём письме. Найденные же мною золотые вещи и монеты я считаю более удобным переслать Вашему Сиятельству по почте вместе с рисунками и журналами, которые я могу привезти <u>переслать только по окончании их (т.е. рисунков и журналов – Ю.В.) в Москве.

Несмотря на чрезвычайную кратковременность учёной экспедиции, которую Вашему Сиятельству угодно было возложить на меня, и затруднениям, предоставленным местными условиями для приискания достаточного числа рабочих, ныне уже можно обозреть число открытых мною памятников, обогащающих как новыми фактами науку, так и новыми сокровищами искусства Императорский Эрмитаж. В два с половиною месяца я имел счастье открыть: стены акрополиса Фанагории; многочисленные архитектурные и скульптурные фрагменты; золотые вещи; две мраморные плиты с важными историческими надписями; много монет; четыре расписные вазы, из которых одна принадлежит к великолепным произведениям греческого искусства; скифскую одежду, единственную в мире; бронзовую урну; стеклянные и глиняные вещи и т.д. Мне будет весьма лестно, если труды моей экспедиции удостоятся благосклонного внимания Вашего Сиятельства.

Москва, 27-го октября 1859 г.

К этому письму, которое я не успел отправить из Тамани, осмеливаюсь доба-

⁶¹ В этой надписи [КБН. 976], датированной 151 г. н.э., говорится о землях, дарованных храму.

⁶² Сочинение об этой надписи С.Г. Строганову не было предоставлено, во всяком случае в Архиве ИИМКРАН оно отсутствует.

⁶³ Год, означенный на надписи, до сих пор не встречался на монетах Рескупорида (прим. К.К. Гёрца).

вить приписку. 3-го октября сдал вместе с описью оставленные мною в казённом доме-сторожке предметы г. Семеняке, и с рабочими, инструментами и ящиками с найденными в Фанагории предметами переехал в Керчь, где сдал казённые инструменты и ящики вышеназванные г. директору Музея. 6-го числа уехал я из Керчи и, после четырнадцатидневного путешествия, благополучно прибыл вечером 20-го октября в Москву, но теперь не совершенно здоров вследствие утомительной дороги. Впрочем, надеюсь в непродолжительном времени выздороветь, привести к окончанию журнал моих раскопок и потом приступить к моим обыкновенным занятиям. Я бесконечно сожалею, что по возвращении в Москву лишён счастья видеть лично Ваше Сиятельство и передать Вам на словах результаты моих изысканий.

С глубочайшим почтением и преданностью имею честь быть Вашего Сиятельства верноподданнейшим слугою К. Гёрц.

В Трёхпрудном переулке, за Глазною больницею, в доме Осинава.

Двенадцатое письмо было написано С.Г. Строганову из Москвы 14 ноября. В нем речь идет в основном о передаче наиболее важных находок и экспедиционной документации [там же. Л. 46–47]. Сверху к этому посланию имеется приписка, сделанная рукой А.С. Линевича:

«Его Сиятельство оставил у себя золотую монету Евпатора и медную Фофорса с обыкновенными годами 1-ой, которые, как я доложил, находятся в Эрмитаже».

Письмо К.К. Гёрца носит сугубо деловой характер; в нем, в частности, упоминаются монеты, заинтересовавшие С.Г. Строганова:

«Ваше Сиятельство!

Имею честь переправить к Вам два ящика, в которых заключаются следующие предметы:

В первом ящике:

1. Две золотые серьги. }
2. Золотые бусы. } Найдены в кургане № 15
3. Золотая пуговка. }
4. Серебряное кольцо. }

Золотая монета босфорскго царя Евпатора, мною купленная, и большое собрание медных монет, как купленных мною, так и найденных в раскопках сего года. Последние вложены в особые бумажонки с означением места нахождения.

Во втором ящике заключаются:

5. № журнала раскопок, произведённых как на месте древней Фанагории, так и в окружающих её курганах. Приложенный к перовой тетради приблизительный план местности древней Фанагории и окружающих её курганов есть особый опыт, мною сделанный, и потому я прошу Ваше Сиятельство быть к нему весьма снисходительным. Подробный <...> план этого рода требует искусного топографа; к сожалению, я не мог найти такого человека в Черномории и потому должен был сам сделать этот опыт, который может послужить к уяснению местностей, описываемых в моём журнале.

Наконец, во втором ящике находится 21 рисунок различных местностей древней

Фанагории, курганов, её окружающих, и предметов, найденных на этих местностях и оставленных для хранения в казённом доме близ станции Сенной. Все эти рисунки сделаны с природы и с подлинников моим братом. Рисунков же с вещей, назначенных для отправления в С. Петербург и переданных мною в Керченский музей, напр[имер], с ваз, брат мой не делал, потому что вазы должны быть для этой цели реставрированными и потому рисунки с них могут быть сняты только в Петербурге. Под рисунком каждого предмета выставлена страница моего журнала, в которой он описан.

Здоровье мое еще не совершенно исправилось, и потому я еще не начал мои лекции в Университете.

С глубочайшим почтением и преданностью имею честь быть Вашего Сиятельства верноподданнейшим слугою К. Гёrc.

План Фанагории и окружающих ее курганов, выполненный К.К. Гёrcем (рис. 2), автор назвал приблизительным и просил С.Г. Строганова «быть к нему весьма снисходительным». По всей видимости, Карл Карлович при этом немного пококетничал, поскольку план безусловно имеет большое, можно сказать, историческое значение.

Тринадцатое письмо было написано из Москвы 21 декабря 1859 г. Это последнее послание К.К. Гёrcа С.Г. Строганову, находящееся в Архивном деле. Если первое письмо было одним из самых длинных, то последнее – самое краткое. Речь в нем, однако, идет об очень важных вопросах, связанных с финансовыми расходами экспедиции [там же. Л. 48]:

«Ваше Сиятельство!

В шнуровой книге, данной для моей экспедиции, значится: в приходе: 2400 р[ублей] с[еребром], в расходе: 2433 <руб.> 46. Таким образом я выдал рабочим из собственных средств 33 <руб.> 46 к[опеек] с[еребром]. Но, кроме того, брату моему художнику Гёrcу ещё следует получить 200 р[ублей] с[еребром], а ныне я имею честь препроводить к Вашему Сиятельству список особых расходов, не вписанных в шнуровую книгу и уплаченных мною из собственных сумм, всего на 125 <руб.> 36 <коп.>, и всепокорнейшее прошу Вас его утвердить и всю следующую по этим статьям сумму 358 <руб.> 82 к[опейки] с[еребром] переслать мне в Москву. Незнакомый также с этого рода делами, я осмеливаюсь обратиться к Вашему Сиятельству с вопросом, нужно ли по утверждению вышеупомянутого прилагаемого при сём письме списка, внести его в шнуровую книгу? По получении ответа Вашего Сиятельства я буду иметь честь переслать к Вам и шнуровую книгу. Наконец, мне следует ещё получить суточные деньги за целый месяц.

С глубочайшим почтением и преданностью имею честь быть Вашего Сиятельства верноподданнейшим слугою К. Гёrc.

Сразу следует отметить, что председатель Императорской Археологической Комиссии простил К.К. Гёrcу перерасход денежных средств и выдал ему пособие в размере 500 руб. серебром [Малеин, 1912, с. 85], но это обстоятельство для нас не столь важно. Намного важнее составить представление о том, с каким багажом специальных знаний К.К. Гёrc отправился на Боспор Киммерийский,

какие исследовательские задачи он перед собой ставил и, наконец, что он сумел сделать и как сам оценивал результаты своих работ.

Вряд ли можно сомневаться в том, что знания К.К. Гёрца об археологии были весьма широкими. Его заграничная поездка, знакомство с крупнейшими европейскими музеями, прослушанные им лекции знаменитых западных ученых, конечно, сыграли здесь очень большую роль. Другое дело, что эти знания были сугубо книжными, не имевшими особого отношения к практике проведения археологических раскопок. Более того, полученная им теоретическая база была весьма далека, так сказать, от современного понимания археологии, сводясь к «археологии искусства». Этой увлекательной теме посвящены главные публикации К.К. Гёрца того времени [Гёрц, 1857а; 1857б; 1900, с. 1–15; 1901, с. 1–6; 92–120]. В них он выступил как убежденный последователь идей выдающихся теоретиков искусства И.И. Винкельмана и Г.Э. Лессинга [Гёрц, 1857б, с. 453; 1900, с. 1; 1901, с. 92].

Грандиозные раскопки на территории Эллады, Египта, Месопотамии и пр. развивались именно в этом русле. Не удивительно, что городище Фанагория К.К. Гёрцу напомнило ассирийскую столицу Ниневию [письмо № 6]. Столь же закономерен интерес Карла Карловича к поиску истоков традиции возведения боспорских монументальных гробниц (Греция, Египет, Лидия) [№ 2 и 3]. Эти памятники в какой-то степени позволяли поставить Боспор в ряд стран, подаривших миру великие археологические открытия тех лет. Почти нет сомнения, что, намереваясь провести раскопки Фанагории, К.К. Гёрц мечтал получить столь же блестящий результат. Да и какой археолог в глубине души не надеется на то же самое?

Практическая экспедиционная работа, однако, всегда сопряжена с немалыми трудностями, столкнулся с ними и Карл Карлович. На некоторые такие моменты он неоднократно обращал внимание С.Г. Строганова. Прежде всего, это касалось дороговизны всего – от продуктов питания до рукомошников [письма № 1, 2] и рабочей силы [№ 5]. Выделенных средств, однако, вполне хватало, чтобы справиться с этой напастью. К тому же Карлу Карловичу помог А.Е. Люценко, поделившись с ним казенной мебелью и необходимыми инструментами [№ 5]. Более того, А.Е. Люценко преподавал ему уроки раскопок древних гробниц – на Глинице [№ 4] и на Юз-Обе [№ 6]. К.К. Гёрц признал, что «такая практика полезнее всех описаний» [№ 4].

Первые впечатления от знакомства с памятниками боспорской археологии убедили К.К. Гёрца, «что в Пантикапее можно хронологически проследить все эпохи греческого искусства (выделено мною – Ю.В.), отразившиеся на погребальных обрядах и вещах, окружавших покойника» [№ 4]. Исследователь даже подумал о написании монографии на этих материалах, но дальше благого намерения дело, к сожалению, не пошло. Позднее его взволновала тема, связанная с царицей Динамией и ее временем, Карл Карлович обещал С.Г. Строганову подготовить научное сочинение по этому вопросу [№ 11], но сделать этого опять же не смог. Очевидная непоследовательность, вероятно, объясняется особенностями характера ученого, который легко увлекался новыми идеями, но со временем напрочь забывал о них. Такие предположения, однако, пока не

приближают нас к реалиям боспорской археологии тех лет, а они весьма любопытны.

Серьезной проблемой для К.К. Гёрца оказался недостаток свободной рабочей силы. Поскольку Тамань представлялась ему почти настоящей пустыней, то рабочих надо было подобрать в Керчи. Исследователь так и сделал, полагая при этом, что именно здесь можно найти опытных людей, уже участвовавших в раскопках, тогда как малоопытный контингент может оказаться не просто бесполезным, а даже вредным [№ 5]. Набрав керченскую артель, состоявшую всего из 7 человек, К.К. Гёрц смело отправился в Сенную, намереваясь увеличить число рабочих в ближайшие дни. И это ему вполне удалось, но поразившее Карла Карловича керченское пьянство [№ 7] стало причиной того, что часть рабочих была уволена, поскольку доставляла ему «много неудовольствия» [№ 8]. Положение было исправлено благодаря притоку освободившихся от полевых работ жителей Черномории, надо думать, и Таманского полуострова [№ 7, 9, 10]. Складывается впечатление, что представление о пустынности Тамани и невозможности найти там рабочих для проведения раскопок было результатом определённого преувеличения, исходившего от керченских жителей.

Кратковременное знакомство с приемами раскопок А.Е. Люценко, конечно, нельзя назвать настоящей школой полевых исследований. К.К. Гёрцу приходилось учиться этому делу на ходу. В одном из писем он отметил: «Желая приобрести опытность в этом трудном и многосложном деле, требующем много наблюдательности, я начал раскопки с небольших курганов и насыпей» [№ 9], что следует признать вполне логичным. Раскопки этих курганов, конечно, не могли дать замечательных произведений античного искусства, и, «приобретая в известной степени некоторую опытность в системах раскапывания курганов», Карл Карлович перенес исследования «на местность, где хотя и видны следы прежних искателей золота, но находятся большие курганы, почти нетронутые новейшими исследованиями» [№ 9].

К.К. Гёрц писал, что забывал о трудностях и усталости «в надежде достичь только счастливого результата [№ 9], и в этих словах, скорее всего, нет никакого преувеличения. Но что же он считал «счастливым результатом»? К ответу на этот вопрос позволяет приблизиться сообщение о находке первой краснофигурной вазы в одном из курганов, приведшая Карла Карловича «в величайший восторг» [№ 6]. Такая реакция с полной очевидностью демонстрирует его искусствоведческий подход к проведению археологических раскопок. Не удивительно, что в дальнейшем К.К. Гёрц всегда выделял находки подобного рода [№ 7, 9], сетуя при этом на плохую сохранность расписных сосудов, которую он объяснял отсутствием в Фанагории каменных гробниц [№ 9, 10]. «О сосудах без рисунков и других мелочных находках» исследователь умалчивал [№ 8]. Счастливейшей находкой Карл Карлович признал также надпись времени царя Рескупорида [№ 11]. Такой артефакт и в наши дни произвел бы огромное впечатление, а в те годы раскопки боспорских городищ вообще были нацелены на поиски эпиграфических документов, статуй, мраморных рельефов и т.п. Работы на городище в сравнении с раскопками некрополя представлялись очень трудными, требующими немалого времени и большого числа рабочих [№ 6, 7, 9]. Тем не менее, в одном из последних писем

К.К. Гёрц признал своим большим успехом открытие оборонительных стен древней Фанагории [№ 11], а несколькими строками ниже в перечне результатов проведенных раскопок поставил упоминание о них на первое место. Можно считать, что он осознавал важность изучения археологических объектов, имеющих непосредственное отношение к пониманию истории боспорских городов, каковыми, безусловно, являлись оборонительные сооружения. Другое дело, что предложить их адекватную интерпретацию или даже обосновать хронологическую атрибуцию таких памятников в то время было абсолютно невозможно. Все это требовало десятилетий целенаправленных поисков.

Наконец, стоит задаться вопросом: почему К.К. Гёрц не продолжил исследования Фанагории в последующие годы? Неужели во всем виновата относительная скромность сделанных находок? Да, раскопки городища и курганного некрополя в 1859 г. не привели к открытиям мирового уровня, каковыми они представлялись в середине XIX в. Но ведь Таманский полуостров был и остается богатым памятниками античного времени. «Почва классическая на каждом шагу», – как признавал сам Карл Карлович [№ 8]. Любопытно, что, осмотрев остатки храма Артемиды Агротеры, он заявил о невозможности провести здесь раскопки «в нынешнем году» [№ 10], т.е. возможность его изучения в будущем, по крайней мере, не исключалась.

На К.К. Гёрца большое впечатление произвели большие курганы Таманского полуострова. В их ряду он выделил Большую и Малую Близницы и признал «эти величественные памятники» царскими гробницами [№ 8], т.е. имела надежда открыть в них несметные сокровища, но для этого, по его расчетам, требовалось большое число рабочих и от 4 до 5 месяцев работы. Недалеко от Близниц Карл Карлович заметил четыре насыпи, вероятнее всего, расположенные на Васюринской горе, которые тоже обещали «замечательные находки» [№ 8]. В своих догадках К.К. Гёрц оказался полностью прав, и открытия, сделанные в названных курганах позднее, вошли в сокровищницу мирового культурного наследия. Но все они были осуществлены без его участия!

В 1864 г., когда И.Е. Забелин собирался начать раскопки Большой Близницы, К.К.Гёрц отговаривал его от этого мероприятия, указывая, что почва Таманского полуострова бедна древностями и что надо обладать особым везением, чтобы рассчитывать на успех [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1964 г. Д. 14. Л. 8]. Не стоит говорить, что «везение» И.Е. Забелина оказалось просто феноменальным! Мы не знаем, как отреагировал Карл Карлович на это событие, – сожалел ли о том, что не сумел провести раскопки этого кургана и т.п.? Однако имеются веские основания считать, что сезона 1859г. хватило, чтобы он охладел к археологическим раскопкам. И дело здесь, надо думать, не только в том, что мечты исследователя разошлись с результатами его деятельности. Огромные трудности, связанные с проведением раскопок, которые из года в год переносили керченские археологи А.Е.Люценко, К.Р. Бегичев, Ф.И. Гросс и др., для К.К. Гёрца, скорее всего, оказались слишком велики. Он предпочел другой путь в науке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Альтишуллер Р.Е., Пескарёва К.М., Турусова Н.С. и др. (составители).* Охрана памятников истории и культуры в России XVIII – начала XX вв. М.: АН СССР, 1978. 355 с.
- Басаргина Е.Ю., Застрожнава Е.Г.* Премии имени К.К. Гёрца // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокина. М.: Гриф и К., 2010. С. 642–653.
- Бларамберг М.* Археологические разыскания в Керчи // ЗООИД. 1850. Т. II. Отд. 2 и 3. С. 815–820.
- Брайцева О.И.* Архитектура Фригии, Пафлагонии, Лидии, Ликийи и Кариийи // Всеобщая история архитектуры. Т. 1. Архитектура Древнего Мира / отв. ред. О.Х. Халпахчян. М.: Изд-во литературы по строительству, 1970. С. 248–253.
- Бэр К.Э.* Известия о собрании черепов разных народов в Императорской С.-Петербургской Академии Наук // Русский вестник. 1859. Т. 21. С. 3–28.
- Виноградов Ю.А.* К истории изучения древних гробниц Боспора // Польш Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. СПб: Издательский дом «Коло», 2010. С. 524–525.
- Виноградов Ю.А.* Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859 – 1917). Би. Вып. XXVII. Симферополь; Керчь: ТОВ «Керченська міська друкарня», 2012. 368 с.
- Виноградов Ю.А.* Древности Боспора Киммерийского в рисунках К.Р. Бегичева и Ф.И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН). Боспорские исследования. Supplementum 17. Симферополь-Керчь: Изд-во ООО «Соло-Рич», 2017а. 310 с.
- Виноградов Ю.А.* Керченские археологи во время Крымской войны // Российские археологи XIX – начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора / отв. ред. В.А. Горнчаровский. СПб: Изд-во РХГА, 2017б. С. 23–44.
- Виноградов Ю.А.* Культура боспорской элиты при Спартокидах // Би. 2017в. Вып. 34. С. 112–223.
- Виноградов Ю.А.* Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. I / науч. редакторы-составители А.Е. Мусин, М.В. Медведева. 2-е изд. СПб: ИИМК РАН, 2019. С. 354–536.
- Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография. Симферополь; Керчь: Мастер Книг, 2012. (Би. Supplementum 9). 288 с.
- Гёрц К.К.* Археология и современное искусство // Русский вестник. 1857. Февраль. Т. VII. Кн. 1. С. 269–273.
- Гёрц К.К.* Нынешнее состояние истории и археологии искусства в Германии // Отечественные записки. 1857. Июнь. С. 453–472.
- Гёрц К.К.* Погребальные обряды древних египтян // Отечественные записки. 1858. Июнь. Т. CXVIII. С. 401–442.
- Гёрц К.К.* Два надгробные камня, открытые на Таманском полуострове // Древности. Вестник МАО. 1867. Т. I. Март-апрель. С. 54–56.
- Гёрц К.К.* Погребальные обряды греков и скифов Боспора Киммерийского // Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах ей прилежащих, изд. В. Дашковым. Кн. I. М.: Университетская типография., 1868. С. 144–151.
- Гёрц К.К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М.: Изд-во МАО, 1870. 128 с.
- Гёрц К.К.* Собрание сочинений, изданное Императорской Академией Наук на средства капитала имени профессора К.К. Гёрца. Вып. 3. Письма из Италии и Сицилии. 1871–1872. СПб: Типография В. Безобразова и Комп., 1899. 163 с.
- Гёрц К.К.* Собрание сочинений, изданное Императорскою Академиею Наук на средства капитала имени профессора К.К. Гёрца. Вып. 5. Статьи по археологии восточной, классической и древне-христианской. 1856–1882. СПб: Типография В. Безобразова и Комп., 1900. 338 с.
- Гёрц К.К.* Собрание сочинений, изданное Императорскою Академиею Наук на средства капитала име-

- ни профессора К.К. Гёрца. Вып. 7. Археологическая и художественная хроника. Ч. I (1857–1865). СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1901. 384 с.
- Жебелёв С.А. Введение в археологию. Ч. I. История археологического знания. Петроград: Наука и школа, 1923. 196 с.
- Застрожнава (Панкратова) Е.Г. Труды и дни: организация и быт археологической экспедиции в Фанагории (XIX – первая половина XX в.) // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 6 / ред. В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин. М.: Институт археологии, 2017. С. 142–153.
- Застрожнава Е.Г. Фанагория. История археологического изучения (конец XVIII – середина XX в.). М.; СПб: Нестор-История, 2019. 308 с.
- Кауфман С.А. Об уступчатых склепах Боспора // Сообщения Института истории и теории архитектуры. 1947. Вып. 6. С. 1–32.
- Кёне Б.В. Описание музея покойного князя Василия Викторовича Кочубея. СПб: Типография Экспедиции заготовки гос. бумага, 1857. Т. 1–2, 450 и 422 с.
- Клейман И.Б., Скуднова В.М., Славин Л.М. Описание терракот с о. Березань // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-11. М.: Наука, 1970. С. 31–33.
- Кобылина М.М. Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 5–101.
- Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки. Ч. IV. Придонье и Таманский полуостров. САИ. Г. 1-11. М.: Наука, 1974. С. 20–30.
- Кузнецов В.Д. Фанагория: заметки по планировке города // ДБ. 2018. Т. 22. С. 133–140.
- Кузнецов В.Д. Оборонительные сооружения Фанагории // КСИА. 2018. Вып. 250. С. 215–219.
- Лазаревский Я.М. Курганы Таманского полуострова // Известия Императорского археологического общества. Т. II. СПб, 1961. С. 28–32.
- Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времён из Южной России. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1896. 143 с.
- Леви Е.И., Славин Л.М. Описание терракот Ольвийской агоры // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-11. М.: Наука, 1970. С. 38–42.
- Леонтьев П.М. Обзор исследований о классических древностях северного берега Чёрного моря // Пропилеи. 1851. Книга I. С. 67–101.
- Линевич А.С. О керченских гробницах // Пропилеи. 1854. IV. С. 537–550.
- Макарова Т.И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. № 4. С. 91–106.
- Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 344–393.
- Малешин А. Карл Карлович Гёрц (1820–1883). Биографический очерк. СПб: Императорская АН, 1912. 244 с.
- Марти Ю. Сто лет Керченского музея (исторический очерк). Керчь: Крымполиграфтрест, 1926. 94 с.
- Райков Б.Е. Карл Бэр. Его жизнь и труды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 520 с.
- Санжаровец В.Ф. Керчь-Еникале и её градоначальники // Керченская старина. Вып. I / ред.-сост. Н.В. Быковская, Н.В. Небожаева, В.Ф. Санжаровец. Симферополь: Бизнес-Информ, 2017. С. 86–113.
- Силантьева П.Ф. Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Ч. III. Пантикапей. САИ. Вып. Г-11. М.: Наука. С. 5–37.
- Скуднова В.М., Славин Л.М., Клейман И.Б. Описание терракот из Ольвии (города и некрополя) // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-11. М.: Наука, 1970. С. 49–56.
- Сокольский Н.И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1–17. М.: Наука, 1969. 191 с.
- Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. II. СПб: Императорская типография, 1805. 244 с.
- Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб: Наука, 2002. 676 с.
- Федосеев Н.Ф. Греки на Боспоре Киммерийском: 200 лет исследований. Симферополь: Бизнес-Информ, 2017. 320 с.

- Фролов Э.Д. Русская наука об Античности. Историографические очерки. 2-ое изд. СПб: Гуманитарная Академия, 2006. 608 с.
- Baer K.E. Die Makrokephalen im Boden der Krym und Osterreichs // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersburg. 1860. T. II. № 6. S. 1–78.
- De Montpéroux Dubois. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Armenie et en Crimée. Paris: Libraire de Gide, 1843. 461 p.
- Sevinç N., Treister M. Metalwork from the the Dardanos Tumulus // Studia Troika. 2003. Bd. 13. P. 215–260.
- Ratté C. Not the tomb Gyges // JHS. 1994. Vol. 114. P. 157–161.

REFERENCES

- Al'tshuller R.E., Peskarova K.M., Turusova N.S. i dr. (sostaviteli). Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury v Rossii XVIII – nachala XX vv. Moscow: AN SSSR, 1978. 355 s.
- Baer K.E. Die Makrokephalen im Boden der Krym und Osterreichs // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersburg. 1860. T. II. № 6. S. 1–78.
- Basargina E.Yu., Zastrozhnova E.G. Premii imeni K.K. Gertsy // Chelovek i drevnosti. Pamyati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009) / otv. red. I.S. Kamenetskiy, A.N. Sorokina. Moscow: Grif i K., 2010. S. 642–653.
- Blaramberg M. Arkheologicheskiye razyskaniya v Kerchi // ZOOID. 1850. T. II. Otd. 2 i 3. S. 815–820.
- Braytseva O.I. Arkhitektura Frigii, Paflogonii, Lidii, Likii i Karii // Vseobschaya istoriya arkhitektury. T.1. Arkhitektura Drevnego Mira / otv. red. O.Kh. Khalpakch'yan. Moscow: Izd-vo literatury po stroitel'stvu, 1970. S. 248–253.
- Ber K.E. Izvestiya o sobranii cherepov raznykh narodov v Imperatorskoy S.-Peterburgskoy Akademii Nauk // Russkiy vestnik. 1859. T. 21. S. 3–28.
- De Montpéroux Dubois. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Armenie et en Crimée. Paris: Libraire de Gide, 1843. 461 p.
- Fedoseyev N.F. Greki na Bospore Kimmeriyskom: 200 let issledovaniy. Simferopol': Biznes-Inform, 2017. 320 s.
- Frolov E.D. Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskiye ocherki. 2-oye izd. St. Peterburg: Gumanitarnaya Akademiya, 2006. 608 s.
- Gerts K.K. Arkheologiya i sovremennoye iskusstvo // Russkiy vestnik. 1857. Fevral'. T. VII. Kn. 1. S. 269–273.
- Gerts K.K. Nyneshneye sostoyaniye istorii i arkheologii iskusstva v Germanii // Otechestvennye zapiski. 1857. Iyun'. S. 453–472.
- Gerts K.K. Pogrebal'nyye obryady drevnikh egiptyan // Otechestvennye zapiski. 1858. Iyun'. T. CXVIII. S.401–442.
- Gerts K.K. Dva nadgrobnyye kamnya, otkrytye na Tamanskom poluostrove // Drevnosti. Vestnik MAO. 1867. T. I. Mart-aprel'. S. 54–56.
- Gerts K.K. Pogrebal'nyye obryady grekov i skifov Bospora Kimmeriyskogo // Sbornik antropologicheskikh i etnograficheskikh statey o Rossii i stranakh ey prilozhashchikh, izd. V. Dashkovym. Kn. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya:, 1868. S. 144–151.
- Gerts K.K. Arkheologicheskaya topografiya Tamanskogo poluostrova. Moscow: Izd-vo MAO, 1870. 128 s.
- Gerts K.K. Sobranie sochineniy, izdannoye Imperatorskoyu Akademiiyeyu Nauk na sredstva kapitala imeni professora K.K. Gertsy. Vyp. 3. Pis'ma iz Italii i Sitsilii. 1871–1872. St. Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i Komp., 1899. 163 s.
- Gerts K.K. Sobraniye sochineniy, izdannoye Imperatorskoyu Akademiiyeyu Nauk na sredstva kapitala imeni professora K.K. Gertsy. Vyp. 5. Stat'i po arkheologii vostochnoy, klassicheskoy i drevnekhristianskoy. 1856–1882. St. Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i Komp., 1900. 338 s.
- Gerts K.K. Sobraniye sochineniy, izdannoye Imperatorskoyu Akademiiyeyu Nauk na sredstva kapitala imeni professora K.K. Gertsy. Vyp. 7. Arkheologicheskaya i khudozhestvennaya khronika. Vyp. I (1857–1865). St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1901. 384 s.

- Kaufman S.A. Ob ustupchatykh sklepkh Bospora // Soobshcheniya Instituta istorii i teorii arkhitektury. 1947. Vyp. 6. S. 1–32.
- Kene B.V. Opisanie muzeuma pokoynogo knyazya Vasiliya Viktorovicha Kochubeya. St. Petersburg: Tipografiya Ekspeditsii zagotovki gos. bumag, 1857. T. 1–2, 450 i 422 s.
- Kleyman I.B., Skudnova V.M., Slavin L.M. Opisanie terrakot s o. Berezan' // Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya. SAI. Vyp. G1-11. Moscow: Nauka, 1970. S. 31–33.
- Kobylyina M.M. Fanagoriya // Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR. 1956. № 57. S. 5–101.
- Kobylyina M.M. Terrakotovyye statuetki Fanagorii // Terrakotovyye statuetki. Ch. IV. Pridon'ye i Tamanskiy poluostrov. SAI. G. 1-11. Moscow: Nauka, 1974. S. 20–30.
- Kuznetsov V.D. Fanagoriya: zametki po planirovke goroda // Drevnosti Bospora. 2018. T. 22. S. 133–140.
- Kuznetsov V.D. Oboronitel'nyye sooruzheniya Fanagorii // Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii. 2018. Vyp. 250. S. 215–219.
- Latyshev V.V. Sbornik grecheskikh nadpisey khristianskikh vremen iz Yuzhnoy Rossii. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1896. 143 s.
- Lazarevskiy YA.M. Kurgany Tamanskogo poluostrova // Izvestiya Imperatorskogo arkhelogicheskogo obshchestva. T. II. SPb, 1961. S. 28–32.
- Leont'yev P.M. Obzor issledovaniy o klassicheskikh drevnostyakh severnogo berega Chernogo morya // Propilei. 1851. Kniga I. S. 67–101.
- Levi E.I., Slavin L.M. Opisanie terrakot Ol'viyskoy agory // Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya. SAI. Vyp. G1-11. Moscow: Nauka, 1970. S. 38–42.
- Linevich A.S. O kerchenskikh grobnitsakh // Propilei. 1854. IV. S. 537–550.
- Makarova T.I. Arkheologicheskiye dannyye dlya datirovki tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi // Sovetskaya arkhologiya. 1982. № 4. S. 91–106.
- Makarova T.I. Arkheologicheskiye raskopki v Kerchi okolo tserkvi Ioanna Predtechi // Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii. 1998. Vyp. VI. S. 344–393.
- Malein A. Karl Karlovich Gerts (1820–1883). Biograficheskiy ocherk. St. Petersburg: Imperatorskaya AN, 1912. 244 s.
- Marti Yu. Sto let Kerchenskogo muzeya (istoricheskiy ocherk). Kerch': Krympoligrafrest, 1926. 94 s.
- Ratté C. Not the tomb Gyges // JHS. 1994. Vol. 114. P. 157–161.
- Raykov B.E. Karl Ber. Yego zhizn' i trudy. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1961. 520 s.
- Sanzharovets V.F. Kerch'-Eenikale i yeyo gradonachal'niki // Kerchenskaya starina. Vyp. I / red.-sost. N.V.Bykovskaya, N.V.Nebozhayeva, V.F. Sanzharovets. Simferopol': Biznes-Inform, 2017. S. 86–113.
- Sevinç N., Treister M. Metalwork from the the Dardanos Tumulus // Studia Troika. 2003. Bd. 13. P. 215–260.
- Silant'yeva P.F. Terrakoty Pantikapeya // Terrakotovyye statuetki. Ch. III. Pantikapey. SAI. Vyp. G-11. Moscow: Nauka. S. 5–37.
- Skudnova V.M., Slavin L.M., Kleyman I.B. Opisyayeye terrakot iz Ol'vii (goroda i nekropolya) // Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya. SAI. Vyp. G1-11. Moscow: Nauka, 1970. S. 49–56.
- Sokol'skiy N.I. Antichnyye derevyannyye sarkofagi Severnogo Prichernomor'ya. SAI. Vyp. G1–17. Moscow: Nauka, 1969. 191 s.
- Sumarokov P. Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroye puteshestviye v Tavridu. Ch. II. St. Petersburg: Imperatorskaya tipografiya, 1805. 244 c.
- Tunkina I.V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – sredina XIX v.). St.Petersburg: Nauka, 2002. 676 s.
- Vinogradov Yu.A. K istorii izucheniya drevnikh grobnits Bospora // Pol' Dyubryuks. Sobraniye sochineniy. T. I. St. Petersburg: Izdatel'skiy dom "Kolo", 2010. S. 524–525.
- Vinogradov Yu.A. Stranitsy istorii bosporskoy arkhologii. Epokha Imperatorskoy arkhelogicheskoy komissii (1859 – 1917). Bosporskie issledovaniya. Vyp. XXVII. Simferopol'; Kerch': TOV «Kerchens'ka mis'ka drukarnya», 2012. 368 s.
- Vinogradov Yu.A. Drevnosti Bospora Kimmeriyskogo v risunkakh K.R. Begicheva i F.I. Grossa (po materialam Nauchnogo arkhiva IIMK RAN). Bosporskiye issledovaniya. Supplementum 17. Simferopol'; Kerch': Izd-vo OOOO "Solo-Rich", 2017a. 310 s.

- Vinogradov Yu.A. Kerchenskiye arkheologi vo vremya Krymskoy voyny // Rossiyskiye arkheologi XIX – nachala XX v. i kurgannye drevnosti evropeyskogo Bospora / otv. red. V.A. Goroncharovskiy. St. Petersburg: Izd-vo RKHGA, 2017b. S. 23–44.
- Vinogradov Yu.A. Kul'tura bosporskoy elity pri Spartokidakh // Bosporskie issledovaniya. 2017c. Vyp. 34. S. 112–223.
- Vinogradov Yu.A. Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya i izucheniye drevnostey Bospora Kimmeriyskogo // Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): istoriya pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya rossiyskoy arkheologii ot osnovaniya do reformy. T.I / nauch. redaktory-sostaviteli A.E. Musin, M.V. Medvedeva. 2-ye izd. St. Petersburg: IIMK RAN, 2019. S. 354–536.
- Vinogradov Yu.A., Zin'ko V.N., Smekalova T.N. Yuz-Oba. Kurganny nekropol' aristokratii Bospora. T. I. Istoriya izucheniya i topografiya. Simferopol'; Kerch': Mayster Knig, 2012. (Bosporskie issledovaniya. Supplementum 9). 288 s.
- Zastrozhnova (Pankratova) E.G. Trudy i dni: organizatsiya i byt arkheologicheskoy ekspeditsii v Fanagorii (19 – pervaya polovina 20 v.) // Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy. T. 6 / red. V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin. Moscow: Institut arkheologii, 2017. S. 142–153.
- Zastrozhnova E.G. Fanagoriya. Istoriya arkheologicheskogo izucheniya (konets XVIII – seredina XX v.). Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019. 308 s.
- Zhebelov S.A. Vvedeniye v arkheologiyu. Ch. I. Istoriya arkheologicheskogo znaniya. Petrograd: Nauka i shkola, 1923. 196 s.

Резюме

Имя К.К. Гёрца хорошо известно в научной литературе о Боспоре Киммерийском. В 1859г. он провёл раскопки городища Фанагория и примыкающего к нему курганного некрополя. Эти раскопки были предприняты по инициативе председателя Императорской Археологической Комиссии С.Г. Строганова. В статье опубликованы 13 писем, которые К.К. Гёрц адресовал ему. В них он сообщал свои впечатления от знакомства с Керчью и Таманью, а также рассказал об организации и проведении раскопок.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Керчь, Тамань, письма К.К. Гёрца.

Summary

Name K.K. Gertz is well known in the scientific literature about the Cimmerian Bosphorus. In 1859, he carried out excavations of Fanagoria and the barrow necropolis adjoining it. These excavations were undertaken on the initiative of the Chairman of the Imperial Archaeological Commission S.G. Stroganov. The article contains 13 letters that K.K. Gertz addressed him. In them, he reported his impressions of getting to know Kerch and Taman, and also spoke about the organization of the expedition and the main results of his excavations.

Key words: Bosphorus of Cimmeria, Kerch, Taman, letters of K.K. Görtz.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградов Юрий Алексеевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник Института
истории материальной культуры РАН
(С-Петербург),
(812) 764 85 71.
vincat2008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vinogradov Iurii Alekseevich, doctor
of the historical sciences,
leading scientific researcher of the Institute
for the History of Material Culture RAS
(St. Petersburg),
(812) 764 85 71.
vincat2008@yandex.ru

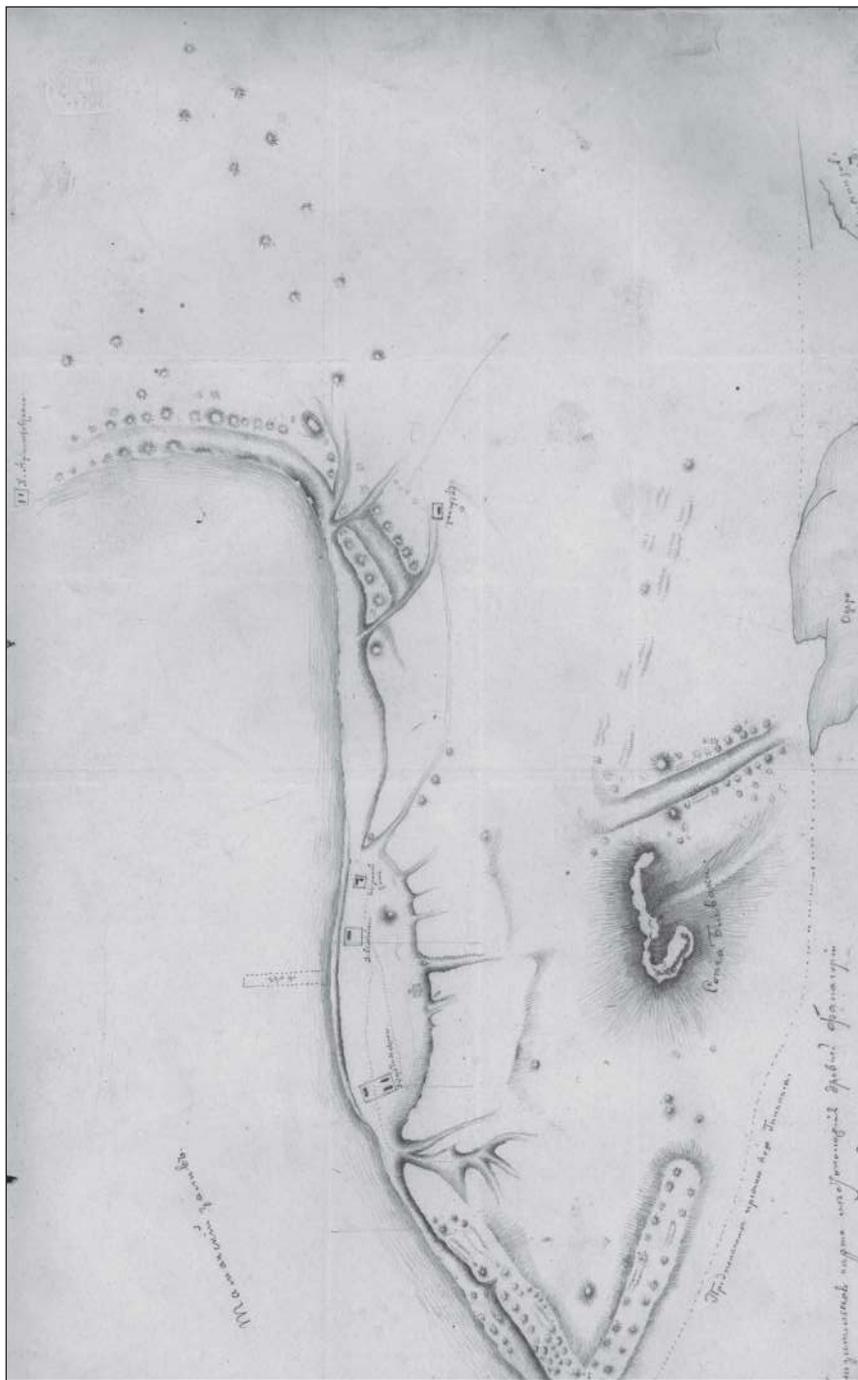

Рис. 2. План Фанатории и прилегающих к ней курганов, выполненный К.К. Гердем (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1859 г. Д. 11. Л. 50 об.).